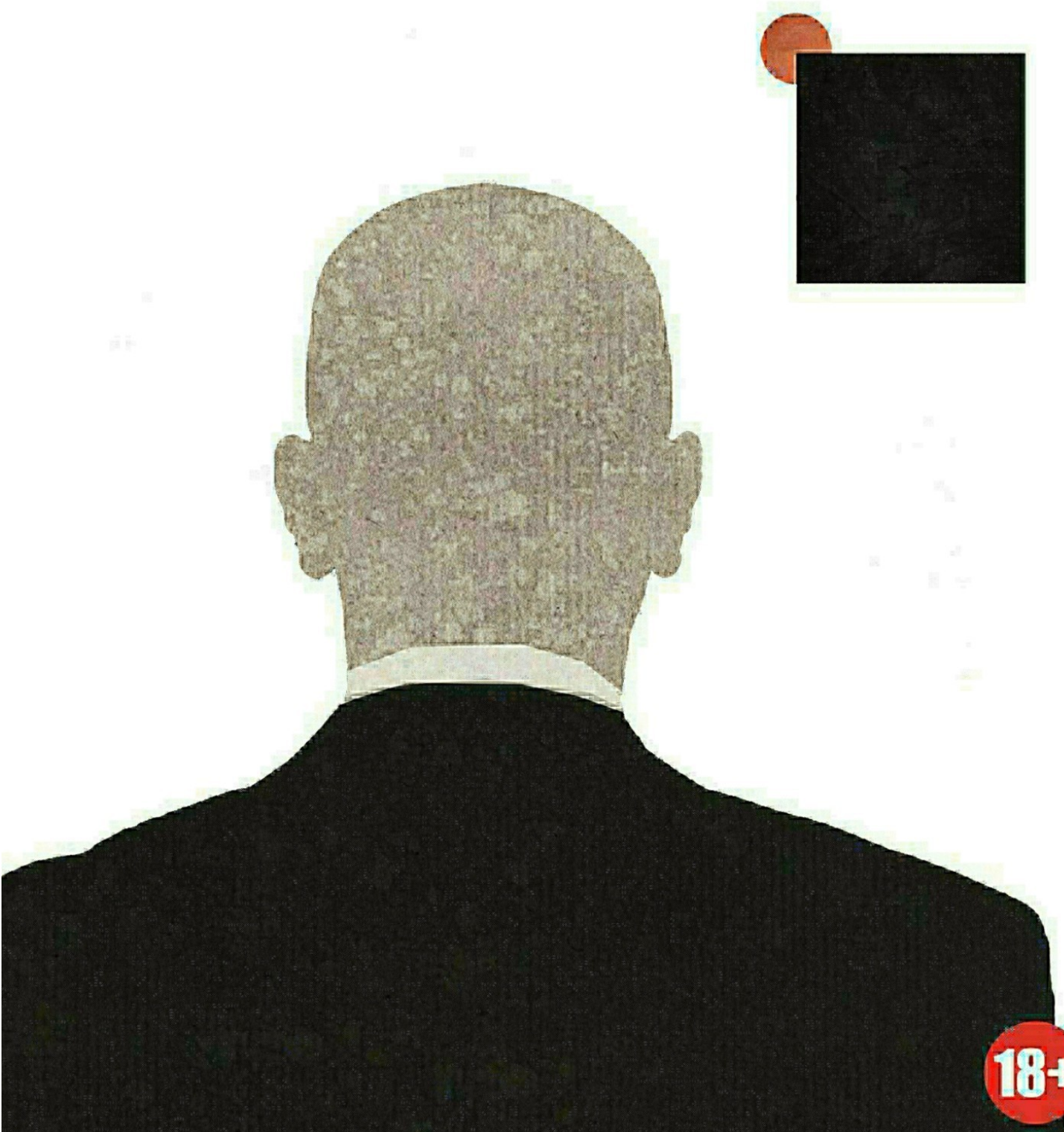

Евгений Фоменко

АртХаос

Черная комедия в багровых тонах

18+

Евгений Фоменко

АртХаос. Повесть и рассказы

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Фоменко Е. Е.

АртХаос. Повесть и рассказы / Е. Е. Фоменко — «ЛитРес: Самиздат», 2017

"АртХаос" - это черная комедия о борьбе отчаянного и ироничного одиночки против современного искусства. Следователь Бригов и его команда идут по следу таинственного маньяка, которого с чьей-то легкой руки прозвали Сальери. Этот садист и социопат объявил войну творческой интеллигенции. Художники, писатели, скульпторы – все они под прицелом. И вот он рыщет, убивая, философствуя, выпивая и тусуясь, в поисках своего Моцарта. Может быть, чтобы восхититься им, а может, чтобы уготовить ему изощренную пытку. В этой истории есть что-то английское. Жесткое, специфическое, но притягательное. Содержит нецензурную брань.

Содержание

АртХаос	5
Конец ознакомительного фрагмента.	40

АртХаос

*Если вы всерьез решили
разочаровать родителей,
а к гомосексуализму душа не лежит,
идите в искусство.
Курт Воннегут*

...Поднят ворот, пуст карман. Он не молод и вечно пьян. Он на взводе – не подходит. Он уходит всегда один...

В такую погоду я частенько примеряю на себя эту песенку. Можно считать меня извращенцем, но мне нравится этот зимне-весенний суррогат, люблю эту промозглость и слякоть. Правда, нравится. Идешь такой по бесконечной темной улице, хлопаетшь в свое удовольствие, а фонари выхватывают островки света, которые для тебя становятся воображаемыми чек-поинтами.

Конечно, возрастом и харизмой я не тяну на потрепанного жизнью и изъеденного молью блюзмена с саксом наперевес. Не Абрамович, но какая-то копеечка за душой все же есть. А вот с воротником – правда. Поднят. На моем полупальто смотрится. Это для меня такой же фетиш, как и вязаные перчатки без пальцев даже в самые лютые холода. А что? Очень даже удобно – и мобилой пользоваться, и сигаретку держать.

Одной барышне, некогда бывшей для меня приятной во всех отношениях, это очень не нравилось. Но я всегда прикрывался тем, что это мой собственный стиль – бомж-гранж-эстетика.

Эх, все равно поэтическое настроение. Стихи, что ли, снова начать писать?

В последнее время стал замечать, что вокруг становится все больше и больше людей, которые пытаются заявить о своей исключительности. По их же собственному мнению, они обладают особым взглядом на мир, который выгодно выделяет их на фоне серой массы. И эта вера кажется фанатичной. Это такой особый вид городской фауны, *homyakus creaklus vulgaris*. За несколько лет популяция сильно разрослась, пора уже ее как-то регулировать.

Творчество – гидра, пожирающая своих детей.

Стоп, или это было сказано про революцию? Неважно. В обоих случаях всем заправляют романтики или прожженные циники.

Искусство требует жертв. И они будут! Обязательно.

А пока, пока ...

Вот он затаился в кармане – мой клинок возмездия. Ну и пусть, что кто-то назовет его просто черным маркером. Уж больно мне не нравится эта широко улыбающаяся морда на афишной тумбе. Да такая приторная – брррр. Очередной поп-певец, возомнивший себя голосом нового поколения. Сейчас-сейчас, несколькими росчерками личико ему подправлю.

Ну, что, смазлятина? Кем ты у меня сейчас будешь – Гитлером или беззубым пиратом?

*Капрал уперт,
но устав караульной службы знает*

Петр Сергеевич Бригов пребывал в отвратительном настроении. Дела обстояли не то чтобы плохо, а откровенно хреново. Попытка снять стресс после втыка от начальства обернулась полным провалом. Распитие коньяка поздним вечером на детской площадке в компании сослуживцев можно, конечно, назвать благородным занятием для достойных мужей, но,

увы, не всем оно по нраву. О чем и сообщил подошедший наряд ППС. Взмаха «волшебных» корочек хватило, чтобы прогнать злыдней, но атмосфера была испорчена окончательно. Да и коньяк был так себе. Неприятный привкус во рту был лучшим доказательством этому.

Утро добрых вестей не принесло. Как раз наоборот, оно, словно издеваясь, подсовывало новые факты. Очередные подробности, которые сообщили пострадавшие, еще не заняли свое законное место в этом пазле, но общая картинка уже просматривалась. Очень неприятная картинка.

Больно уж резонансное дело получилось. А дополнительным «бонусом» было то, что среди пострадавших была дочь одного очень влиятельного человека. И начальство по этому поводу драконило подчиненных с особым энтузиазмом.

А выходило так.

Известный латвийский фотохудожник Екабс Гилис решил устроить в Москве мастер-класс для начинающих фотографов, о чем сообщалось в социальных сетях. Желавших было много, но в итоге маэстро собрал группу из двадцати пяти счастливиц, с которыми готов был поделиться секретами мастерства.

Гилис для молодых фотографов – это как гуру для начинающих йогов и прочих шизотериков. Ведь это не только шанс узнать что-то новое о профессии, но и возможность потусить в обществе настоящего мэтра, имя которого одно время гремело по всей Европе. По крайней мере, большинство участников мероприятия шло туда именно за тем, чтобы повысить чувство собственного величия. Что интересно, до этого Екабс Гилис в России не бывал, да и вообще старался избегать всякой публичности.

Как говорят свидетели, сначала было все хорошо. Собрались в условленном месте, гуляли, общались, а потом неожиданно Гилис слетел с катушек. И результатом этому чуть не стало массовое сожжение всех участников мастер-класса.

Бригов отхлебнул минералки прямо из пластиковой бутылки.

Голова все еще потрескивала после вчерашнего, мысли путались, но нужно было работать. Или хотя бы изображать видимость работы.

Пару минут Петр Сергеевич бесцельно перекладывал бумаги, пытаясь привнести хоть какой-то порядок в тот хаос, который творился на его столе. На самом деле, следователь Бригов был редкостным аккуратистом, что резко контрастировало с его внешним видом. Неряшливый и помятый, вечно в каких-то потертых свитерах и одних и тех же брюках, он отличался въедливостью и дотошностью. Он не привык делать что-то спустя рукава – все четко по формулярам. Начальство Бригова за его принципиальность откровенно недолюбливало, поэтому-то он, уже слегка переступив сорокалетний рубеж, все еще был майором.

– Петрович! – оклик вырвал Бригова из похмельной задумчивости.

Следователь недовольно поморщился, такая фамильярность ему была не по душе.

– Вообще-то, я не Петрович, а Сергеич, – ворчливо ответил Бригов, повернувшись в сторону коллеги. В этот момент майор представлял себя по меньшей мере смилодоном, терзавшим тушку не в меру оборзевшего первобытного человека.

– Да ладно тебе, – весело ответил молодой сослуживец, вальяжно сидевший на столе, закинув ногу на ногу.

Алексей Гаевский, а именно так звали дерзкого коллегу, работал в отделе совсем недавно, но буквально сразу был обласкан лучами всеобщей неприязни. И дело тут вовсе не в модных шмотках, крутом черном «паркетнике» или прочих прибабасах. Это все были лишь следствия, а причиной была та самая «мохнатая рука». Парень только-только окончил юридический и сразу попал в прокуратуру. Никто и не сомневался в том, что Гаевского ждет быстрое продвижение по службе. Кто-то усилено хлопотал за Алексея, даже начальство снисходительно и лояльно относилось ко всем его косякам и залетам. Но сам Алексей, надо отдать должное,

не пытался показать, что он чем-то лучше других, что у него есть свои привилегии и какой-то особый статус. Но сути дела это особо не меняло.

– Слушай, тут по твою душу новый свидетель сейчас должен прийти, – продолжил Гаевский, – я за кофейком сгоняю, пока ты его мучить будешь? Тебе захватить? Вижу, вчера бухали.

– Двойной тащи, – кофе показался Бригову отличной идеей, – потом рассчитаемся.

Как только Гаевский хлопнул за собой дверь, Петр откинулся в кресле и глубоко выдохнул.

Раздражал его этот блондинистый голубоглазый мажор. Но при этом Бригов, как и многие другие, предпочитал держать свое мнение при себе и не идти на открытую конфронтацию. Никто не хотел осложнять себе жизнь. Все ограничивалось негласным бойкотом. Гаевского не звали на общие праздники, ему не мешали, но и особо не помогали.

– Терпеть ненавижу! – Бригов от злости чуть не сплюнул на пол.

А вот не будет он потом отдавать деньги за кофе! Да! Вот такая маленькая месть. И пусть потом Гаевский только заикнется про деньги – сразу же будет обвинен в мелочности. Конечно, обвинение это будет картинным, якобы шуточным и невинным, но с вполне понятным подтекстом. А в таком месте, как прокуратура, за репутацией нужно следить. Иначе сожрут, несмотря на все связи.

Бригов расплылся в довольной улыбке.

Но предвкушение будущего триумфа было прервано стуком в дверь.

– Да, – рывкнул следователь, придавая себе как можно более серьезный вид.

На пороге стоял парень лет двадцати, похожий на самого Бригова, только без залысин и в очках. Такой же плотный, невысокий, с азиатскими чертами лица. В руках визитер робко мял вязаную шапку.

– Эмм... Здравствуйте, – начал очкарик, – эмм... Мне сказали прийти ... Прийти к вам, дать показания.

– Самсонов, я так понимаю, – Бригов порылся в бумагах на столе, – Виктор Алексеевич?

– Да, эмм... Это я.

Бригов кивнул на стул напротив своего рабочего стола.

– Присаживайтесь, побеседуем.

Самсонов послушно сел на указанный стул, при этом чуть его не опрокинув. Парень явно чувствовал себя не в своей тарелке.

– Работаете, учитесь? – следователь начал без раскачки.

– Я? – переспросил Виктор. – Эмм... Учусь, в авиационном, на прикладной механике.

Следователь тут же начал записывать, про себя матеря нерешительного потерпевшего и его дурацкие причмокивания при разговоре.

Самсонов, словно извиняясь за свою заторможенность, придвинулся поближе к столу, демонстрируя свою готовность отвечать на любые вопросы.

И вопросы полились рекой – кто, что, когда, зачем, во сколько, почему, где?

Если поначалу Виктор отвечал вяло и задумывался над каждым ответом, то на исходе часа он уже сам начал выдвигать собственные версии произошедшего.

– А я сразу понял, что не Гилис, – говорил уже разгоряченный Самсонов, – эмм, понимаете, сразу. Нет, он был очень похож на Гилиса, но не он. Я еще обратил внимание, что у него акцент то появлялся, то пропадал. Я смотрел несколько видео на YouTube с Гилисом, так он совсем по-другому говорил.

– Да? А почему же вы тогда сразу не подняли шум? – не отрываясь от записи, спросил Бригов.

Парень только пожал плечами.

– Эмм... Даже не знаю. Я подумал, может, это я просто ошибся. Ведь если бы я ошибался, то я бы при всех попал в глупую ситуацию. Вы же понимаете?

– Понимаю. Я вас услышал, – Бригов отложил в сторону ручку и достал из ящика стопку фотографий, – а как вы объясните это?

Самсонов снова пожал плечами.

– Да как-то само собой получилось. Эмм... Когда все началось, я просто стал фотографировать.

Фотографии действительно получились «сочными» – клубы дыма, огненные вспышки, мечущиеся в панике люди. Кто-то пытается спрятаться, кто-то истошно орет, кто-то носится в поисках выхода. Каждая фотография – словно кадр из фильма-катастрофы. Если бы Бригов не знал, то он бы подумал, что это постановочные фото.

– Неплохо получилось, – отдал должное следователь, хотя его и нельзя было назвать ценителем фотоискусства.

– Да-да, я сам удивился, – тут же встрепенулся Виктор, – мне потом несколько журналов предлагали купить фотографии.

– Угу, – без энтузиазма ответил Бригов, начиная новый лист.

Следователь задал пострадавшему еще несколько вопросов, но уже больше для проформы. Показания потерпевших практически повторяли друг друга, расхождения были только в деталях. Все были уверены в том, что какой-то псих решил устроить на заброшенной фабрике филиал крематория в лучших традициях фашистских концлагерей. Хотя потом спецы установили, что угрозы чьим-то жизням, по большому счету, не было. То ли пироман что-то не рассчитал, то ли он просто хотел поиздеваться и как следует напугать. Что же касается самого Екабса Гилиса, то быстро выяснилось, что он за последние три месяца никуда дальше Даугавпилса, второго по величине города Латвии, не выезжал.

– Ладно, вы свободны, – наконец-то сказал Бригов, аккуратно укладывая исписанные листы в папку, – возможно, мы еще раз вас вызовем, если появятся вопросы.

– Я тут вспомнил, эмм, – задумчиво проговорил Самсонов, – мне показалось, когда мы все вместе шли после встречи у метро, этот кивнул девушке какой-то, а она ему улыбнулась.

Теперь уже встрепенулся Бригов.

– Улыбнулась? Что за девушка? Описать сможете?

– Может, я и ошибся, может, мне просто показалось. Описать? Высокая, очень красивая, блондинка.

– Точнее. Узнать сможете при встрече? – Бригов приготовился снова записывать.

– Не знаю, – поправив в очередной раз очки, ответил начинающий фотограф, – такое ощущение, что я ее где-то раньше видел.

– Зашибись, – расстроенный Бригов кинул ручку на стол, – ладно, вспомните что-то, звоните.

Следователь протянул свою визитную карточку.

– А вы его точно поймаете? – уже стоя в дверях, спросил Самсонов.

– Обязательно, – с еле уловимым сарказмом ответил следователь.

После ухода потерпевшего Бригов еще несколько минут задумчиво просидел в кресле, после чего подошел к окну, заложил руки за спину и начал мерно раскачиваться на пятках.

Вид за окном не впечатлял. Обычный казенный двор, огороженный высоким кирпичным забором и заставленный служебными и личными автомобилями. Слякотно, но солнечно.

Бригов погрузился в размышления. В принципе, задача решалась «элементарно» – найти в огромном мегаполисе кого-то похожего на какого-то фотографа. Бригов усмехнулся. Все это было бы смешно, если бы не было суровой правдой жизни.

Больше всего в этой ситуации майора напрягало то, что, по всей видимости, это было дело рук Сальери. Того самого Сальери, злобного пасынка современного искусства.

– Сергеич, я кофе принес! – неожиданно раздалось почти над самым ухом Бригова.

Следователь чуть не подпрыгнул от неожиданности, а сердце резко попросилось в пятки, прихватив с собой за компанию и другие органы.

Бригов медленно, чтобы не показать своего испуга, повернулся. Перед ним стоял улыбающийся Гаевский с двумя стаканчиками еще дымящегося кофе в руках.

Долго же он шлялся!

Следователь ощутил жгучее желание съездить по этой самодовольной физиономии, но вместо этого просто взял протянутый ему стакан.

Долбаный Гаевский! Долбаный Сальери! Долбаные все!

Занавески, бл@ть, синие!

Что же такое промзона? Всезнающая Википедия услужливо сообщит, что под промзонами понимаются районы, в которых располагаются промышленные объекты, а также объекты инженерной и транспортной инфраструктур.

Скучное какое-то определение.

Википедию пишут обычные люди, и далеко не все из них отличаются богатой фантазией. Я бы написал по-другому. Вот так, например.

Промзона – индустриальный оазис, жизнь в котором упорядочена пугающей бездушностью. Тут вряд ли вы сможете вдохнуть полной грудью или насладиться пением птиц. Если на пути и встретится какое-то деревце, то его рахитичное «тельце», окутанное клубами пыли и дыма, точно не заставит душу трепетать в поэтическом экстазе...

Или так.

За серыми высокими заборами развалилась туша огромного механического дракона, тяжелое дыхание которого сотрясает окрестности. Ноздри этого исполинского чудовища методично вздымаются, выбрасывая за раз тонны пепла. Изо дня в день сотни, а то и тысячи рабов вынуждены прислуживать дракону, выполняя все его прихоти. Он требует подношений, ему нужен металл, дерево, камень, тепло, свет, вода, живые души. И вряд ли он когда-нибудь насытится...

Или даже так.

Строение «Промзона». Является улучшенной версией строения «Кузница». Характеристики: +50 к мастерству, + 30 к умениям, + 30 к грохоту, + 30 к смогу, – 500 к экологии.

Но вы никогда не найдете в Википедии статью, которая бы начиналась подобными словами. Я просто не буду ее писать. У меня на то есть уважительная причина – мне лень.

Раньше промзоны располагались преимущественно на окраинах. Тишь да благодать, и вроде никто никому не мешает. Но города имеют обыкновение разрастаться, аннексируя у окружающего мира все новые и новые территории. И то, что раньше было всего лишь промышленным предместьем, оказывается чуть ли не центром города.

Некоторые промзоны сумели сохранить свое назначение, но в большинстве случаев, под давлением новых условий, с ними происходят любопытные метаморфозы. Там, где еще не так давно гремели станки и сновали рабочие, появляются супермаркеты, офисы, склады, ночные клубы, жилые дома. Вариантов тут множество. А вот отдельные промзоны даже рискуют стать арт-объектами.

Вот интересно, а откуда у творческой публики такая тяга к заброшенным заводам, фабрикам и прочим кочегаркам? Что они видят в таких арт-платформах – единство и борьбу противоположностей, перерождение искусства, новый виток? ХЗ.

Центр современного искусства «Пенопласт» когда-то был небольшим заводом по производству измерительного оборудования при каком-то НИИ. В конце девяностых институт был расформирован, а оборудование вывезено в неизвестном направлении. Само здание постепенно заполнялось мусором, затхлостью и бомжами. Окрестная молодежь облюбовала эти

гостеприимные стены для романтических встреч, посиделок с брэнчанием на гитарах и совместного пожирания дешевого пойла. Коммерсы, ввиду полной запущенности завода и его плачевного состояния, не спешили тянуть свои загибающиеся ручки к, казалось бы, лакомого кусочку столичной недвижимости. И в один прекрасный день тут объявились разномастные художники. Они всегда заводятся в подобных местах. Проверено.

Можно как угодно относиться к этим урук-хаям от искусства, но за дело они взялись с комсомольским остервенением. Всего-то за пару недель рисующая братия навела то, что можно было бы с некоторой натяжкой назвать порядком. В этом плане у них был свой взгляд. Избирательность, избирательность и еще раз избирательность – именно этим принципом руководствовались новые хозяева. Кусок изрядно покрошенного железобетона мог остаться на самом видном месте, словно это какая-то античная скульптура невообразимой ценности, а вот вполне добротный стол, который мог бы еще служить и служить, отправлялся на свалку. А еще главари этого караван-сарая, приюта для якобы талантливых, но не до конца понятых, смогли вытребовать у местной управы статус о какой-то там культурной значимости. В общем, в датском королевстве скука не наблюдалась.

...Выставка уже полчаса как официально открылась, но столпотворения не было. У местных аборигенов и им сочувствующих пунктуальность явно считалась если не грехопадением, то уж точно моветоном. И меня такая обстановка категорически не устраивала. Мне нужна была толпа, мне нужен был людской поток, в котором можно было бы раствориться, словно кусок рафинада в чашке горячего чая. А то хожу тут, торгую хлебалом по демпинговым ценам. Успокаивало лишь то, что в большинстве своем собравшиеся были заняты только самими собой.

Придется обождать, не особо мозоля глаза окружающим. Тем более что цель своего визита я уже давно заметил. Да и сложно было бы не заметить этого напыщенного дятла. Вон он – в узких джинсах и в бабском шейном платке стоит в компании нескольких девочек-хипстеров.

Знакомьтесь! Тоша Бордо собственной персоной. Он же, насколько мне известно, Анатолий Бойко, большой любитель порассуждать на тему, что современное общество, в силу своей ограниченности, не способно оценить всю многогранность его таланта.

О чем он сейчас говорил мне не было слышно, но по жеманной жестикуляции и сахарной мимике можно было догадаться, что о своем новом шедевре. Да уж, точно «шедевр» – унитаза с установленной на месте бачка огромной мясорубкой, сквозь решетку которой над очком свисали презервативы. Хотелось бы верить, что они еще не использовались по назначению. Хотя кто этих художников знает?

Желание прогуляться по закоулкам здания появилось само собой, мой желудок при виде всего этого непроизвольно подавал сигналы, что тоже готов создать инсталляцию прямо тут на полу.

Блуждание по бесчисленным коридорам и бывшим цехам заняло минут сорок. За это время я успел насмотреться и на современное искусство, и на людей, в той или иной степени причастных к нему. Порой попадались весьма любопытные персонажи.

Народ потихоньку прибывал.

В одном из закутков я наткнулся на колоритную парочку. Он – широкоплечий лысый «бычок» в дорогом костюме. Она – ярко, но безвкусно разодетая девочка, удивленно хлопающая ресницами. У меня сразу же сложился образ провинциалки, которая всеми силами стремится зацепиться в столице. Я, конечно, понимаю, что внешность бывает обманчивой, но это явно был не тот случай. Эти двое точно не понимали, что конкретно тут делают. Но их тяга к высокому и светлому определенно похвальна, хотя, как по мне, они для этого выбрали не совсем то место.

Парочка стояла напротив огромного полотна, подсвеченного красноватым светом дежурной лампы. То, что было нарисовано на холсте, мне больше всего напомнило цветную схему из резисторов и транзисторов.

Недолго думая, я достал маркер из внутреннего кармана и, аккуратно протиснувшись между «бычком» и его дамой, подошел к картине. Тут не хватало последнего штришка, который бы стал венцом композиции.

В самом низу холста я быстро вывел то самое сакраментальное короткое слово, которое своей емкостью и наличием буквы «Й» подтверждает нашу национальную идентичность.

– Э! Ты что творишь? – лысый положил свою тяжелую лапу мне на плечо.

К такому повороту событий я был готов.

Резко развернувшись, я удивленно уставился на «бычка». Моя придурковатая улыбка действовала обезоруживающе.

– Молодые люди, это же селфи-арт-пати! – в этот момент меня аж самого передернуло от елейности собственного голоса.

– Чего за пати? – мужик явно был сбит с толку. Девчонка захлопала ресницами еще быстрее.

– Селфи-арт-пати, – я повторил только что придуманное слово, – сейчас я вам все объясню.

С заговорщицким видом я выглянул в коридор, словно хотел сообщить что-то по-настоящему важное.

– Понимаете, – я перешел на громкий шепот, – это не совсем обычная выставка. Посмотрите вокруг, что вы видите?

Не дожидаясь ответа, я продолжил:

– Все, что нас окружает – это творческое пространство, а художники, творения которых мы видим сегодня, всего лишь задают определенный вектор. Понимаете?

И опять я не стал дожидаться ответа:

– Каждый из нас может как угодно дополнить эту картину, добавить в нее то, что посчитает нужным.

– А художник не обидится? – с недоверием спросил лысый.

– Ну что вы! – я вскинул руки. – Вовсе нет, как раз наоборот. Он будет только счастлив от того, что кто-то ему помогает. Вы же сами видите, что в этом произведении есть недосказанность, автор специально ее оставил.

– И что, нам тоже можно?

Я снова потянулся в карман за маркером.

– Конечно же, раз вы сюда попали, то не только имеете право это делать, но и обязаны, – я протянул маркер.

В этот момент я чувствовал себя по меньшей мере Мефистофелем, который предлагает Фаусту продать почку.

Девушка, до этого казавшаяся слегка заторможенной, с удивительным проворством схватила маркер.

– Володенька, а можно я первая? Можно? – зашебетала она, глядя на своего спутника.

Я не стал смотреть на подробности зарождения нового творческого тандема и молча покинул место действия. Пусть теперь сами творят. Или вытворяют. Роль духовного наставника я отыграл – 6.0, 6.0, 6.0, 6.0 и 5.9. Последняя оценка для разнообразия.

В залах и коридорах было уже достаточно многолюдно, что облегчало мою задачу. Тошу Бордо я нашел именно там, где я его видел в прошлый раз. Он все так же красовался на фоне своего произведения и о чем-то с упоением рассказывал новой порции интересующихся. Он явно наслаждался звуком собственного голоса.

Я начал неспешно кружить по залу, аккуратноенько поглядывая по сторонам.

Игра в ценителя современного искусства меня забавляла. Вот какая-то мазня в старинной раме – тут, конечно, нужно задержаться, постоять пару минут, покачать головой, а потом удовлетворенно цокнуть языком. У этого экспоната, который больше всего напоминает банку с огурцами, нужно обязательно перекинуться парой возвышенных фраз с другими «ценителями».

Вальяжно закурив сигарету у какой-то сине-зелёной кляксы, я не преминул вслух восхититься свежим незамутненным взглядом автора, однако, с легким разочарованием отметил некую размытость образа и слабость воплощения. Похоже, я сегодня был в ударе.

Какой-то напыщенный пузан с удивлением воскликнул:

– О Боже, вы правы! Как вам удалось так тонко прочувствовать концепт? Я бы лучше и не сказал.

Вместо ответа я лишь снисходительно улыбнулся.

А еще я с интересом наблюдал за собравшейся публикой. Буйство образов, когда каждый пытался показать во всей красе свою яркую индивидуальность, для меня постепенно сливалось в одно студенистое месиво, обильно сдобренное напускной винтажностью. От такого количества разномастных фриков начинало мутить.

Но я держался. Держался изо всех сил. Да моей стойкости позавидовал бы «зашитый» алкоголик, по ошибке запертый на ночь в винно-водочном магазине. Хотя, по правде сказать, Штирлиц был близок к провалу, когда я случайно подслушал, как две девочки обсуждали глубочайший смысл в висящем на стене огнетушителе, который из-за высверленных в нем дрелю дырок напоминал собой разновидность решета. Эти юные создания чуть было не сломали мой бедный мозг своими размышлениями вслух. Они в этом огнетушителе узрели одновременно фаллический символ, модель вселенной, трагедию маленького человека и еще черт знает что.

Сразу вспомнился бородатый анекдот про занавески. Вот написано в книжке, что занавески были синими. А о чем говорит литературный критик? А он говорит о том, синие занавески отражают безмерную депрессию автора и отсутствие желания бороться дальше. А автор? Что он хотел этим сказать? Занавески, бл@ть, были просто синими! И точка!

Я хотел было рассказать этот анекдот барышням, но резонно предположил, что последующая дискуссия может негативно отразиться на моей не самой изнеженной психике. Проще их расстрелять! Из реактивного говномета...

Похоже, появление эффектной блондинки заметил только я. Вот если бы она вошла в какой-нибудь кабак или даже в очень приличный ресторан, то ее сразу изрешетили бы взглядами. Но художники... Они ж такие художники.

Было видно, что в этой обстановке она чувствует себя вполне комфортно, но ее стиль и внешность не очень-то вязались с окружением. Высокая и стройная, в светлом полупальто, она не шла, она словно плыла, чуть вздернув носик. Я ее сразу окрестил про себя Лебедушкой.

Я поспешил отвернуться в сторону. Краем глаза я все же заметил, как Лебедушка подошла к Тоше Бордо и тихонько тронула его за плечо. Он обернулся, и его физиономия стала еще слашавей.

Это уже было интересно.

Все так же краем глаза я рассмотрел, как Тоша подхватил со стоящего рядом столика пару коктейлей, один из которых тут же протянул гостье. Девушка что-то спросила, а Тоша тут же начал энергично объяснять.

Мне не хотелось упускать из вида художника, но и стоять столбом на одном месте не следовало. Спрятав руки в карманы, я снова начал неспешно прогуливаться по центральному залу. В определенный момент я даже поймал себя на мысли, что уже с любопытством начинаю рассматривать местные экспонаты. Как неодушевленные, так и одушевленные.

Чур меня, чур!

Я снова посмотрел в сторону Тоши. Как раз в этот момент блондинка взяла его за руку и куда-то потащила за собой.

Был бы я толстым американцем пенсионного возраста, коротающим тихий вечерок в компании себе подобных, то точно бы воскликнул «Бинго!».

Это был шанс. Возможно, что не нужно будет даже ждать того момента, когда вся эта благородная публика окончательно нафуршетится до поросячьего визга.

Ужом я начал протискиваться среди людей, упершись взглядом в затылок удаляющегося Тоши Бордо.

Блондинка тащила его не хуже маневрового локомотива, ловко обходя препятствия на своем пути.

Ах, ты ж птица моя золотая! Давай, уводи его, уводи!

Похоже, солнце удачи мне сегодня пекло немилосердно. Парочка, как по заказу, свернула в самый подходящий для меня коридор. Местную географию я уже успел изучить.

Перед тем, как самому юркнуть в коридор, я еще раз воровато оглянулся. Мой уход по-английски вряд ли кто-то заметит.

Путь освещали все те же лампы дежурного света. Поворот, еще один. Где-то впереди гулко хлопнула тяжелая дверь. Табличка на стене подсказала, что я иду в сторону курилки. Странно, тут вообще-то можно везде курить – никто и слова не скажет. Для порядка, что ли, повесили? Что-то не очень вяжется это место с порядком.

Я остановился перед железной дверью, которая явно знавала лучшие времена. Сейчас она выполняла чисто символические функции. Мне опять повезло – дверь выводила на задний двор. Приложив ухо к двери, я отчетливо расслышал голоса. На фоне жеманного фальцета Тоши приятный голос блондинки казался даже более мужественным, что ли.

Тихонько приоткрыв дверь, я аккуратно выглянул наружу. Только эти двое, больше никого. Уже не таясь, я вышел во двор, уставленный синими туалетными кабинками. Тоша стоял спиной ко мне. Блондинка, которая все прекрасно видела, не придавала значения моему появлению.

Два шага.

Если в одном кармане у меня до недавнего времени лежал маркер, то во втором своего часа дождался электрошокер. Дождался.

На ходу достаю его.

Я уже за спиной Бордо.

Девушка отчетливо разглядела, что у меня в руке. Ее глаза округлились. Еще чуть-чуть – и я увижу отражение своей самодовольной ухмылки.

Разряд в шею, и я хватаю под руки оседающее тело художника.

Не сводя взгляда с оцепеневшей блондинки, я неожиданно для самого себя произнес:

– Не бойтесь, Маша, я – Дубровский!...

*Десять фотографов пошли толпой на ланч,
Один там отравился, развел руками врач.
Девять фотографов в лесу снимали осень,
Один поймал клеща, осталось только восемь.
Восемь фотографов пошли домой потом,
Один все ж заблудился, остались всемером.
Семеро фотографов кино смотрели «Жесть»,
Не выдержало сердце, осталось только шесть.
Шестеро фотографов решили побухать,
Абсент был контрафактный,
осталось только пять.*

*Пятеро фотографов «кумарили» в квартире,
Один шагнул в окно, осталось их четыре.
Четверо фотографов мечтали о любви,
И залюбили одного, осталось только три.
Втроем теперь фотографы поехала в Гоа,
Но одного загрыз енот, осталось только два.
Поссорились те двое – кто круче в ремесле?
И вот теперь фотографы в единственном числе
Грустит один фотограф – «Я не жилец уже,
О том, как я повешусь, я напишу в ЖЖ»...*

Откуда? Откуда, мать вашу, я спрашиваю, столько фотографов? Методом почкования они появляются или в результате необратимой химической реакции? А может, прячущиеся от Нюрнбергского процесса нацистские преступники их тайно клонируют на своей базе в Антарктиде?

Девальвация ценности этой профессии просто налицо. Любой малолетний обормот выпросит у родителей более-менее хорошую камеру, а потом тут же пишет у себя в «контактке» что-то типа «Биру заказы на фото сесии». Да, именно с такой орфографией.

Если бы дело касалось только «школоты» – это еще полбеды. Но и среди мальчиков и девочек постарше таких деятелей полно. Ладно, они бы в свое удовольствие фоткали, так они ж пытаются навязать свои услуги за скромный олимпиад денег. И неважно, что желающих заказать фотосессию не так уж много, главное другое – ты ж фотограф! А все свободное время можно посвятить саморазвитию и созерцанию бренности бытия.

Есть у меня одна теория, почему так происходит. До безобразия простая теория. Люди просто не хотят работать! Работать по-настоящему. Заводы и фабрики стоят, пахать некому. Все в фотографы подались, перспективу ищут.

За романтику обидно. В моем детстве фотографы были почти так же круты как Терминатор или черепашки-ниндзя. Потому что они умели, потому что они знали. А сейчас шаманство в комнате с красным светом подвергнуто анафеме, секреты мастерства утрачены, за человека думает фотоаппарат.

Иногда все же стоит встать грудью на пути прогресса – «Стоять, суку, куда прешь?».

Есть, конечно, в этой современной биомассе и настоящие жемчужины, люди, которые в полной мере могут называть себя истинными фотографами, но их мало. Бесконечно мало.

Хотя про закрытые заводы и фабрики я, наверное, немного погорячился. Одна фабрика сегодня все же работает. Да, та самая. По сжиганию фотографов.

Я лязгнул задвижкой.

Металлическая дверь, хотя и напоминала памятник времен последних индустриальных пятилеток, но выглядела вполне надежной. Такую мощным хипстерским плечом не снесешь.

Пленер определенно удался.

Закрыв дверь за последним участником, я мигом вбежал по расположенной рядом лестнице-трапу на второй этаж. Хотя вторым этажом его можно было назвать лишь условно. Высота метров пять, а то и больше.

На верхней площадке меня ждала еще одна дверь, но ни пола, ни лестницы за ней не было. Один провал. Первоначальное предназначение этого помещения мне было непонятно, но для моего замысла оно подходило идеально.

Внизу тут же защелкали фотокамеры. Всем захотелось запечатлеть маэстро в этом выигрышном ракурсе – в дверном проеме, через который пробивались пыльные лучи весеннего солнца, оставлявшие от меня только силуэт.

Я поднял руку вверх, заставив собравшихся отвлечься от объективов.

– Друзья мои! – мой голос эхом прокатился по бетонному мешку. – Я рад, очень рад, что мы сегодня тут собрались. Уверен, что вы запомните этот день. Запомните на всю жизнь!

Я сначала хотел сказать «навсегда», но в последнюю минуту понял, что «на всю жизнь» в контексте звучит куда лучше.

– Но прежде чем мы приступим к действию, к нашей фотоохоте, я хочу поговорить с вами о высоком! Вы готовы к этому?

Снизу донесся нестройный и разноголосый хор одобрения.

– Что такое фотография, друзья мои? – на секунду я замер, подперев кулаком подбородок. – Только не спешите с ответом! Все намного сложнее, чем вам кажется.

Я потянулся, словно пытался скинуть с себя какое-то оцепенение, после чего покровительским тоном продолжил:

– Фотография – это не просто возможность запечатлеть мгновение. Это сама квинтэссенция искусства, сама суть. Ведь в фотографии есть гармония, а Гармония, если кто не знает, древнегреческая покровительница наук и искусств. И совпадение здесь не случайно, в этом заключается истина. Каждая из дочерей Гармонии – муза, готовая прийти на помощь творцу в создании шедевра. Легкая улыбка Талии, и веселый кадр готов. Хотите сделать чувственную «мимими» фотографию? Вам нужна Эрато, муза любовной поэзии. А с помощью умницы Клио вы, возможно, сделаете тот самый снимок, который потом будут считать отражением эпохи.

Я выдохнул.

– А фотограф, как искушенный герой-любовник, просто выбирает, кому из этих дам он сегодня будет оказывать знаки внимания, на чей алтарь ляжет. Мне, к примеру, больше всего по нраву Терпсихора. Но обращаться к музе просто так было бы невежливо. Необходимо действие, нужен перфоманс. Вы поможете мне в этом?

– Конечно-конечно, – пискнула снизу невысокая девушка, которая с верхотуры казалась совсем крошечной.

Из заранее подготовленного у двери ящика я достал и тут же натянул на себя остроко-нечный белый колпак с прорезями для глаз. Для эффектности.

Опять послышались щелчки фотоаппаратов.

– Пришло время, – торжественно провозгласил я, – вам выпала огромная честь! Сегодня, прямо сейчас, вы станете подношением чистому искусству. Оно требует, оно ждет этого. Я слышу его шепот, его слова. Оно в предвкушении. Вы можете не поверить мне, но обязательно поверите ему, когда оно начнет проникать в вас. Больно не будет, если вы не будете бояться. Гоните от себя страх! Ведь у вас есть предназначение, своя миссия во имя прекрасного. А я ваш – проводник, который довел вас до определенной черты, а дальше вы уже должны идти сами. И прямо сейчас вы сделаете свой первый шаг. Вы готовы к этому?

Я перевел дух:

– А мне плевать, на самом деле, готовы вы или нет. Я все уже решил за вас, твари!

Внизу воцарилась тишина, народ переваривал услышанное.

Люди то с непониманием смотрели на меня, то тревожно переглядывались друг с другом.

– Что тут вообще происходит? – первым начал приходить в себя пухлый парень в очках, одетый в красную дутую куртку и смешную шапочку, напоминающую летный шлем.

На этого пухлика я сразу обратил внимание. Имя, правда, забыл. Как мне показалось, он был единственный, кто хоть как-то дружил со здравым смыслом. Но что же ты, мой толстопя-тый друг, только сейчас задумался о том, что тут происходит?

– Эмм...А при чем тут Терпсихора? Она же музой танцев была! – блеснул знаниями пухлый.

Браво! Еще хоть кто-то помнит греческую мифологию.

– А потому что нас, вернее, вас ожидают зажигательные танцы, ахахаха! – я попытался изобразить демонический хохот.

В ящике лежал не только белый колпак в стиле Ку-клукс-клана.
Вниз из открытой двери полетел первый взрывпакет.
– В аду ваши котлы будут стоять рядом с моим!

– *Какой сегодня день недели?*
– *Солнечно...*
– *Сам вижу, что солнечно. День недели какой?*
– *А какая разница, если солнечно?...*

Точно фарфоровая статуэтка балерины она появилась на импровизированной сцене французского балкона. Ее длинные стройные ноги, неприкрытые колени, изящные тонкие кисти – все это совершенно не вязалось с холодной реальностью шарфов, перчаток и поднятых воротников.

Крошечная кофейная чашечка приятно обжигала пальцы, а льющийся терпкий аромат настойчиво притягивал к себе. Поднимающийся дымок витиевато пританцовывал над желтым ободком, постепенно скручиваясь по спирали и вытягиваясь в полупрозрачную свечу.

Алена осторожно поднесла чашечку к губам, наслаждаясь кофеиновыми флюидами. Девушка зажмурилась, легкая дрожь удовольствия прокатилась по телу.

Откуда-то снизу послышалось наглое гудение клаксона. Она даже не стала открывать глаза.

Ей доставляло особое удовольствие встречать утро на балкончике, любясь причудливой мозаикой московских пробок и попивая терпкий бодрящий кофе. Она, как существо из другого мира, завораживала взоры прохожих. Мужчины невольно замедляли шаг, не в силах отвести глаз от ее роскошных белокурых волос. А ветер, точно намеренно, то и дело игриво приподнимал полы и без того короткого халатика. И женщины лишь завистливо хмыкали и спешили ретироваться с территории, где царила только она.

Доброе утро, Москва! Доброе утро, Я!

Нимфа локтями оперлась на высокое балконное ограждение, изящно выгнув спинку. Чашка кофе зависла над головами спешащих по своим утренним делам прохожих.

Алена не ощущала холода. Она грелась лучами чужих эмоций, которые вызывал ее вид. И неважно, какие именно это были эмоции.

Она была из тех женщин, которые даже мусор выходят выбрасывать на каблуках и в макияже. Хотя, конечно, Алена сама мусор не выбрасывала. Ей достаточно было выставить пакет за дверь, и соседский подросток охотно брал на себя эту святую для него обязанность.

Нет, делал это он не бесплатно. Свою награду паренек получал регулярно. Ослепительная улыбка, приветственный взмах руки, оброненное на ходу «Привет, Сережка!» – все это необычайно льстило юноше пубертатного периода. Это поднимало авторитет парня среди сверстников до небывалых высот. А если дело обстояло в присутствии сверстниц, то счастьем просто не было предела.

Алена умела нравиться мужчинам. Абсолютно всем мужчинам, начиная от песочно-колясочного возраста и заканчивая просто колясочным возрастом. Немолодые мужики при виде ее инстинктивно втягивали животы и распрямляли плечи, малыши тыкали пальцем со словами «посмотрите, какая красивая тетя», чем вводили в смущение своих мам и заставляли пап оборачиваться.

К своим двадцати восьми годам Алена успела получить престижное образование в Лондоне, поработать танцовщицей go-go, походить по модельному подиуму, пожить полтора года в Нью-Йорке, где попробовала себя в качестве журналиста. Сейчас же в ее жизни наступил московский период. Надолго ли? На это она и сама не могла ответить. Пока ее все устраивало, более чем.

На удивление быстро она вписалась в столичную богемную жизнь, все сложилось само собой. Все грани современного искусства ей были интересны, и в этой среде она стала желанной гостьей. Но при этом она была крайне разборчива к кругу своего общения, пересечь заветную линию могли немногие. В этом плане Алена была прагматична. Но те, кому удавалось перейти эту невидимую границу, могли прикоснуться к ее таланту.

Да, пожалуй, эту способность Алены можно было назвать талантом. Неизвестно, как у нее это получалось, но она была способна аккумулировать творческие способности человека, направить его в нужную сторону. Муза? О, нет! Это слишком пафосно и возвышенно. Скорее, эффективный арт-менеджмент.

Выставки, позирование, богатеи от искусства, показы, светские вечеринки – всем этим была наполнена жизнь Алены. Иногда она уставала, но небольшая передышка возвращала все на свои места.

А еще она отличилась тягой к хорошим спиртным напиткам, Armani, Lagerfeld, Louboutin, джазу и черно-белому кино. Ну а наркотики... Наркотики для Алены были как секс без обязательств, как регулярные встречи с бывшим любовником. Только страсть, никаких чувств и обязательств.

Еще один глоточек быстро остывающего кофе. Девушка задумалась. Все утро ей не давала покоя та картина, которая сейчас стояла в коридоре, прислоненная к стене. Станный и неожиданный подарок. Что-то в этой картине было не так. Вроде бы самый обычный закат, переливающийся всеми оттенками красного. Но если приглядеться, то через эту нарочитую топорность пробивалось какое-то свое откровение.

Создавалось такое впечатление, что закат был нанесен поверх другой, более старой и ценной картины. У Алены даже проскочила мысль – а не поскоблить ли верхний слой? Можно попробовать, но потом, когда картина окончательно надоеет. А пока пусть она просто задает атмосферу, служит еще одним небольшим атрибутом, который лишней раз подчеркивает необычность интерьера. И правда, в просторной «сталинке» было множество любопытных вещей.

Сквозь приоткрытую балконную дверь донесся протяжный звук звонка. Алена встре-пенулась, откинув от себя морок размышлений. Открыть, не открыть, открыть, не открыть, открыть? – воображаемая ромашка склонилась к тому, что стоит впустить раннего визитера. Девушка, потуже затянув на осиной талии халат, вышла с балкона.

Чашечка осталась стоять на ограждении, но практически сразу покачнулась, побалансировала на грани, после чего устремилась вниз, на встречу с мостовой...

Позвольте вас спросить как художник

художника – вы рисовать умеете?

О. Бендер

Разговоры о прекрасном продолжались третий час. Беседа проходила практически в теплой дружеской обстановке.

– Отпустите меня, пожалуйста, – заскулило вжавшееся в угол существо, которое еще несколько часов назад как павлин распускало перья и хорохорилось своей гениальностью.

– Нет, – в очередной раз ответил я, делая качественный глоток из пивной банки, кажется, уже третьей по счету. Или четвертой – не суть.

Еще на выставке мне дико захотелось пива, просто до дрожи, но приходилось терпеть. И вот сейчас я отрывался по полной программе, наслаждаясь тем, как пенная прохлада скатывалась по горлу и исчезала где-то в лабиринте моего организма.

– Что я вам такого сделал? – Тоша все больше и больше напоминал нашкодившего ребенка, который ждал неотвратимого наказания, но при этом судорожно пытавшийся понять, за что именно сейчас ему влетит.

Пиво попало не в то горло, заставив меня закашляться.

– И ты еще спрашиваешь, что такого мне сделал? Ты убил во мне веру в прекрасное, чистое, светлое! И сделал это безжалостно, с особым цинизмом. Кирзовыми сапогами своего скудоумия, которое ты маскировал особым взглядом на обычные вещи, ты прошелся по струнам моей нежной организации души. И делал ты это в сговоре, что только усугубляет твою вину. С теми, с которыми ты находишь язык, с которыми ты живешь по принципу – кукушка хвалит петуха, а петух хвалит кукушку.

В глазах художника читался немой вопрос, который он побоялся озвучить.

– Это нормально – срать в банки, а потом выставлять на всеобщее обозрение? – я тут же напомнил про одну эксплозию, которую Бордо устроил в компании с такими же, как и он сам творцами.

– Я художник, я же так вижу, – попытался оправдаться пленник, – это была такая концепция...

– Я ж художник, я так вижу, – со вздохом повторил я. Я всегда ненавидел эту фразу, – вот выколю сейчас тебе твои глазенки голубые, и будешь ты у меня вечно любоваться квадратом Малевича в формате 3D.

Снова послышался неприятный скулеж.

– Вы... Вы фашист! Для вас ничего святого нет! – и без того тонкий голос моего пленника начал сходить к приглушенному визгу.

Я равнодушно пожал плечами.

– Ага, нет ничего святого. Я даже в Великий Пост матом ругаюсь. И, каюсь, как-то раз по малолетству даже в лифте ссал. Видишь, как много ты теперь про меня знаешь? Ты теперь просто не оставляешь мне выбора.

Последнюю фразу я попытался произнести с напускным злодейством в голосе, но тут же, не удержавшись, хихикнул.

Смятая в руке банка полетела в дальний угол. Я потянулся к стоящей рядом сумке, но тут же себя одернул. Хватит пока, а то действительно окосею.

– Послушай, – я начал постепенно включать «доброе полицейского», – вот ты называешь себя художником. Правильно?

Пленник так оживленно затряс головой, что даже стукнулся затылком об стену. Несильно, но звук получился смачный. Шишка, видимо, ему была обеспечена.

– У тебя же есть художественное образование?

– Художественное училище, – уже не так сильно тряхнул головой Тоша в знак согласия.

– Так вот, раз уж ты художник, – продолжил я тем же тоном. Для чистоты полицейского эксперимента мне не хватало чашки кофе и пончика, – а ты мог бы нарисовать что-то такое, чтобы понравилось людям, что заставило бы их задуматься?

Тоша на секунду задумался.

– Я же художник, это мое предназначение! – к пленнику вновь вернулся былой пафос.

Мои недовольно сдвинутые брови тут же заставили почуявшего родную стихию художника умолкнуть и втянуть голову в костлявые плечи.

– Ты не выступай тут, а то смузи по хлебалу размажу. Без команды голос не подавать! А какой ты художник – мы сейчас посмотрим, – я изобразил на лице секундное раздумье, – в общем, я решил. Если ты нарисуешь картину, которая мне понравится, то я тебя отпущу.

Тоша, похоже, не верил моим словам.

– Нет, ты не понял, – я пододвинул стул чуть-чуть поближе, – картина должна по-настоящему мне понравиться. Чтобы я посмотрел, моментально одухотворился и, роняя слюни, ска-

зал – «Ах, какое творение! Какая композиция!»! Сделай мне вкусно. Если ты нарисуешь бабу с сиськами, то я должен увидеть именно бабу с сиськами. Если ты нарисуешь утро в сосновом бору с медведями, то там должны быть эти гребаные медведи. Ты понимаешь, о чем я говорю? Я не хочу потом ломать голову над тем, что ты намалевал.

– Я...Я...

– Головка от Дега, – я бесцеремонно перебил Тошу, – кстати, а почему ты называешь себя Тоша Бордо?

Тоша хотел что-то сказать в ответ, но я снова его перебил.

– Бурда! Все, что ты делаешь – бурда! И мне тошно от тебя. Точно и бурда – поэтому и Тоша Бордо!

Я встал со стула, чтобы размять уже начавшие затекать колени. Пленник еще сильнее прижался к стене.

– Расслабься, – я постарался говорить как можно спокойней, – знаешь, как говорили? Помоги себе сам. И ты можешь себе помочь. Рисуй!

– А где мне рисовать? – вопрос показался мне неуместным.

Широким жестом я обвел рукой комнату.

– Граф, вся эта прекрасная студия в полном вашем распоряжении! И, кроме того, за аренду я с вас не возьму ни копейки!

Я откровенно глумился, видя, какое гнетущее впечатление производит на Тошу обстановочка.

– Да я ж как меценат, который дает мастеру возможность трудиться, создавать шедевры, черпать вдохновение поварешкой. Не путай меня со спонсором, трахать я тебя не собираюсь. В этом плане я консерватор, я девок люблю.

Странно, а что это ему тут не нравится? У многих известных художников поначалу, между прочим, и близко ничего подобного не было. В лучшем случае – просторные апартаменты где-нибудь под мостом. И не факт, что в Париже.

Зажрались вы, месье Бордо, зажрались!

А ведь какой свет, какой антураж! Явно уютней и атмосферней, чем в «Пенопласте», столь милому вашему сердцу. Тут тебе и комфортабельный прожженный окурками матрас, и заколоченные изнутри окна, и высокохудожественно подранные обои. Я уже молчу про то, что удобства всегда под рукой. Всяческой винтажной рухляди тоже хватало. Да для любителей старья это был настоящий Клондайк!

А если серьезно, то место мной было выбрано удачно. Эту огороженную площадку с несколькими зданиями разной степени готовности я обнаружил случайно. Меня совершенно не волновало то, что кто-то может мне помешать. По документам этого дома вообще не было, а с пропитыми, но ушлыми сторожами, непонятно что тут охранявшими, всегда можно было договориться. И в чужие дела они свои сизые носы не совали. Тишь да благодать. Только неподалеку водопадом безостановочно ревел автомобильный поток, занижая децибелы лишь в темное время суток. А с другой стороны ему периодически вторила пригородная электричка, подражая свистку чайника.

Уже и не совсем Москва, но еще и не полное замкадье.

– В общем, так, – мой тон сменился на деловой, – Анатолий, я делаю тебе заказ на картину. Про гонорар, я думаю, разговоры излишни. Тут и так все понятно.

Я заметил, что Тоша даже не отреагировал на то, что я назвал его настоящее имя.

– Ты просто несколько ошибался в своих взглядах на искусство. Верно?

Ответ мне не требовался.

– Так вот, – я начал подводить к сути, – а ошибки нужно не признавать, а исправлять. Кровью.

Последнее слово заставило художника дернуться.

Я достал из кармана коробочку, похожую на спичечную.

– Лови!

Неуклюже выставленная вперед ладонь с растопыренными пальцами стала нелепой пародией на бейсбольную перчатку. Коробок несильно ударил Тошу в лоб и отлетел в сторону.

– Что это? – последовал робкий вопрос.

В моей руке шелкнула зажигалка. Я глубоко затянулся новой порцией никотина.

– Иголки специальные. Помнишь, как в детстве из пальца кровь сдавал? Вот и еще раз сдашь. Только в больших объемах, ты ж теперь большой мальчик.

Тоша поморщился. Хотя я ожидал несколько иной реакции.

– Зачем мне кровь сдавать?

Теперь я постарался изобразить искреннее удивление.

– Как это зачем? А расходные материалы тебе же нужны? – я изобразил в воздухе взмахи кисточкой. – Будешь на самообеспечении.

Из сумки я достал небольшой сверток.

– Вот это тебе тоже понадобится, – я катнул сверток к ногам Бордо, – тут стеклянные трубочки, пластины, карандаши и прочее. Но учти, что картину ты должен рисовать по большей части лишь тем, что сможешь выжать из себя. И очень тебя прошу, воздержись от фекальных экзерсисов. А то знаю я вас. Расстроишь меня – накажу! Все остальное ты найдешь тут.

Кивком я указал на свою сумку, в которой еще покоилась пара банок пива. Их-то я обязательно заберу с собой.

– Я есть хочу, – неожиданно нагло заявил мой подопечный, он даже вытянул вперед ноги, которые до этого поджимал под себя.

– Кефир и батон в сумке, – ответил я, извлекая из сумки пиво и распихивая его по карманам.

Буря негодования исказила лицо Тоши, он даже попробовал встать, но закон всемирного тяготения и цепь, связавшая узами нерушимой дружбы ногу и батарею, сыграли против него.

– Бананов нэма! – я равнодушно пожал плечами. – Значит, жрать не хочешь. А захочешь, повторяю для тех, кто в танке, кефир и батон в сумке.

– Я не пью кефир, хлеб не ем, – с какой-то обреченностью сказал художник, – у меня желудок слабый.

– А это уже твои проблемы. Ты в этом ресторане видел три звезды Мишлен? Вот и я не видел.

Но я не стал окончательно морально добивать своего «питомца», и тут же сменил гнев на милость.

– Ладно, в следующий раз принесу тебе что-нибудь другое, – я лениво потянулся, закончив свою фразу широким зевком.

– А... Это, – Тоша явно засмутился, что меня позабавило, – мне бы... Ну вы меня же понимаете? Туалет...

Ногой я стукнул по перевернутому ведру, стоявшему рядом.

– Вот тебе трон. Тут и унитаз, и писсуар. Если сможешь еще и как биде использовать, то я возражать не буду.

– Я так не могу! – с мольбой в голосе попытался робко протестовать Тоша.

– Сможешь-сможешь, у тебя все получится, я в тебя верю. Талантливый человек – талантлив во всем.

Пора было уже закругляться. Надо оставить художника один на один со своими внутренними демонами, которые должны были обречь его на муки творчества.

– Сейчас я уйду. Но ты даже и не думай о побеге. Каждый твой шаг я буду видеть, каждое твое движение. И пусть тебя это не смущает.

Я указал на едва различимую точку на стене в дальнем конце комнаты.

- Как ты думаешь, что это такое?
- Похоже на web-камеру, – неуверенно ответил Бордо.
- Умница! Молодец, Трезор!

На секунду я даже представил, как Тоша в прыжке зубами ловит брошенный кусочек сахара и тут же с жадностью его разгрызает, роняя крошки на грязный пол. Подобная мысль, неизвестно каким образом забредшая в голову, заставила меня усмехнуться.

– Можешь называть ее оком Саурана, мой маленький хоббит, – продолжил я, – и если я только увижу, что ты что-то не то задумал, то я... Впрочем, тебе этого лучше не знать. Ведь ты же не хочешь меня огорчать?

- А вы правда меня отпустите? – с какой-то обреченностью в голосе спросил художник.
- Отпущу, – кивнул я, застегивая куртку.

Я подошел поближе к Тоше.

– Но повторяю – ты должен меня порадовать.

Мне показалось, что лицо пленника исказилось каким-то придурковатым озарением.

Или не показалось?

Впрочем, это уже неважно. Фронт работ я указал. По поводу самого художника я был абсолютно спокоен – чудить больше положенного он не будет. И дело тут даже не в web-камере...

Хотя по поводу нее у меня были особые планы. Хе-хе.

*В детстве я хотел стать
тапером в борделе или политиком.
Разница, по правде сказать, небольшая.
Гарри Трумэн*

Освещения в комнатке явно не хватало, но меня это ничуть не расстраивало. Как раз наоборот, в такой обстановке я чувствовал себя комфортно. Мне было спокойно от этой непоколебимой тишины, от размытых границ света и тьмы. Наверное, в таких же условиях средневековые алхимики творили свои опыты. Я тоже в некоторой степени алхимик. Только я собирался экспериментировать не с метаморфозами металлов, а с творческим потенциалом личности. И такая личность у меня была. Нет, это я не про себя. Над собой подобные эксперименты я ставить не собираюсь – ни сейчас, ни потом. Увы, я слишком хорошо осведомлен о своих возможностях. Я знал, что я могу и куда мне лучше не лезть, где «не по Сеньке шапка».

– А сейчас, Николай Альбертович, приготовьтесь, я буду отрезать вам ухо. Вы только головой не вертите лишний раз. Из большого уважения к вашему творчеству, тому, которое было когда-то, я даже сделаю вам заморозку.

Шприц с заморозкой уже давно ждал своего часа.

– Тихо-тихо, уважаемый – я подхватил заваливающуюся на бок голову пациента, – а как же честь и достоинство? Как же мужество и решительность, к которым вы так призывали со своего воображаемого броневичка?

Мне даже пришлось немного похлопать Николая Альбертовича по щекам, чтобы привести его в чувство. Тот приподнял голову и сделал глубокий вдох. К нашатырю, как полчаса назад, в этот раз прибегать не пришлось.

– Умоляю вас, прекратите, – еле слышно просипел Николай Альбертович.

– Прекратить что? Я еще ни к чему толком и не приступал, чтобы что-то прекращать, – мольба Альбертыча меня даже немного позабавила. Он и правда думает, что я его сейчас развяжу, извинюсь за доставленные неудобства и отпущу на все четыре стороны? Ага, сейчас!

Своего «пациента» я надежно примотал скотчем к стулу. Обматывал я на совесть, почти как египетскую мумию – от лодыжек до шеи. Вот только с Декстером меня не надо сравнивать.

Мы совершенно разные, у нас разные взгляды и принципы. У Декстера свой четкий кодекс, а у меня... А у меня в кармане монпансье.

Кстати, очень даже неплохой сериал, много интересного и полезного для себя нашел.

– Чего... Что... Чего вы от меня хотите? – Альбертыч с трудом подбирает слова.

– Я? Справедливости! – я перегнулся через плечо пленника и заглянул ему в глаза. Тот сразу отвел взгляд в сторону.

Видимо, мой светлый лик не производит на него благостного впечатления. Странно, как по мне, так очень даже мило – маска Гая Фокса, переделанная в Сальвадора Дали. По крайней мере, я считал, что это был именно Дали. Я был доволен своей накладной личиной, но только если говорить про эстетику. С практичностью было все намного хуже. Маска все время норовила съехать вниз, дышать было неудобно, а на коже уже началось раздражение.

– Вы только не подумайте, что это исключительно из-за ваших политических пристрастий. Хотя они мне и не импонируют, дело тут совсем в другом, – я снова оказался за спинкой стула, – я обвиняю вас в растрате! Да-да! Именно в растрате, циничной и бессовестной! Для меня ваша вина очевидна.

Пленник дернулся и тут же вскрикнул от того, что намотанный на шею скотч резко стянул кожу. Так можно же себе и эпиляцию сделать ненароком.

– Какая растрата? Я ничего не тратил, не растрачивал. Клянусь! Но я отдам вам все деньги! Сколько скажете! – с жаром заговорил Николай Альбертович.

Я положил правую руку на голову Альбертыча, словно собирался принести клятву на священном писании.

– Какие деньги, милейший? Про деньги никто не говорит, – мои пальцы застучали по затылку пленника, – если бы дело касалось материальных ценностей, то вы бы сейчас разговаривали совсем с другими людьми. Я же вас обвиняю совсем в другом. Вы бессовестный расстратчик! Вы разбрасываетесь собственным талантом направо и налево, вы, батенька, вконец охренели! Да!

– Я не понимаю, – Альбертыч был сбит с толка.

Теперь я положил руки на плечи пленнику и надавил на них.

– А я объясню. Вы направляете свою энергию не в то русло. Вы, любезный, возомнили себя небожителем, рупором истины. Вы, в каком-то полупьяном или уже маразматичном бреде, решили, что именно вы ум, честь и совесть нации.

– Я просто хотел высказать свою гражданскую позицию... – попытался оправдаться Альбертыч.

Мне оставалось только ухмыльнуться.

– Называть простых людей быдлом и поколением рабов – это ваша гражданская позиция? А ведь для многих из этих людей вы были кумиром. вы просто предали их. Да-да, вы никакой не срыватель покровов, очнитесь! Вы банальный престарелый предатель, позарившийся на банку варенья и корзину печенья. Это я фигурально выражаясь. Вы решили, что нужно другим указывать как жить, хотя жизни-то и не знаете.

Последние слова пленника заставили недовольно засопеть.

– Я много чего видел! – с достоинством произнес Альбертыч, – мы противостояли системе, мы пели о свободе! Люди шли за нами!

– Ой, не надо только от возмущения брызгать слюной и в припадке биться. Что вы видели? Папа из обкома всегда вас прикрывал, вы не были обласканы советской властью, за сто первый километр вас не выслали, в психушку на принудилровку не отправляли. Да, люди слушали ваши песни, вас любили, несмотря ни на что, вы казались простым парнем из народа. Но это было тогда... А сейчас у вас сытая и спокойная жизнь, вы смотрите на людей из окна своего дорогого авто, вы ходите по дорогим магазинам. В ваших райдерах написано, на какую сторону должны выходить окна в отеле и какой марки должна быть минералка, которую вы

соизволите пить. Нет, я вас за это не осуждаю. Даже где-то рад, что вы можете себе это позволить. Но другим этого не понять. Другим – это тем десяткам миллионов, которые даже понятия не имеют о той жизни, которую вы ведете. Вы живете в придуманном мире, заросли жирком, а презрительное отношение к другим стало для вас нормой.

Я выдохнул, словно сбросил накопившийся груз. На самом деле, не люблю длинных душеспасительных речей.

– Не надо... Отпустите меня, я сделаю опровержение. Дам интервью на радио и скажу, что заблуждался в своих политических взглядах, – Николай Альбертович снова попросил сжалиться над ним, но, видимо, уже и сам не очень-то рассчитывал на успех.

– Да плевать мне на твои... пардон, на ваши политические взгляды, – я все же старался не переходить определенную черту в разговоре, – попробую объяснить попроще. Если я прихожу на концерт с девушкой, то я прихожу послушать любимые песни, приятно провести время. Мне нахер не нужен какой-то политический митинг. Ладно, если бы за это доплачивали, так ведь сам платил за не самые дешевые билеты. Я, перед тем, как послушать песню, сначала должен прослушать двадцатиминутную лекцию о либерализме и прочих ништяках демократии. Нет уж, увольте. Я пришел за роком, рок мне и подавайте!

Губы музыканта задрожали. Создавалось впечатление, что за последний час он посидел еще сильнее. Не помню, кто именно, но один немолодой российский актер назвал себя взрослым мальчиком. Тут, похоже, ситуация такая же, но с той разницей, что сам Альбертыч этого не осознает. Юношеский максимализм остался. Да, рваная джинса сменилась на дорогие шмотки известных брендов, патлы уступили место аккуратной модельной стрижке, но вот критическое отношение ко всему никуда не делось. Главное – всегда быть против чего-то. Это уже не исправить. Но только если лет тридцать назад в этом еще был какой-то смысл, сейчас это уже выглядит смешно. Великовозрастный капризный ребенок, постоянно пытающийся привлечь внимание к себе. М-да.

Я аккуратно, как учили, нажал на поршень шприца, чтобы выпустить воздух. На кончике иглы появилась капелька и сразу лопнула, оставив после себя микроскопические брызги. Пора приступать.

Резким хлопком я всадил иглу за ухо Николаю Альбертовичу.

– Не дергайтесь, а то хуже будет, – я несколько опоздал со своим предупреждением.

Поршень медленно, но верно пополз в направлении иглы. В этот момент я почувствовал, как у обмотанного скотчем человека напряглись шея и скулы, как у него невольно перехватило дыхание.

Доза была слоновьей.

– Что выыы деаетеее? – заморозка действовала быстро.

– Я же вам сказал, что собираюсь отрезать вам ухо. Или вы подумали, что я с вами шутки шучу? – ответил я сухо и по-деловому. – Я и сам люблю пошутить, но в этот раз я абсолютно серьезен.

Николай Альбертович заерзал на стуле, от чего подстеленная под стул клеенка неприятно зашуршала и пошла волнами. Про клеенку я тоже у Декстера подсмотрел. Наш метод – дешево и практично.

– Неее нааааа, умоооаяю, – видимо, это означало «не надо, умоляю».

В моей руке появился скальпель. Остро заточенный, с плавными линиями, удобно лежащий в руке – я буквально залюбовался его блеском. Возможно, в прошлой жизни я был сорокой.

Пленник подался вперед, но я свободной рукой резко дернул его за плечо.

Я долго не мог решить, как и где начать. Несколько раз я видел, как художники водят кистью или карандашом в паре сантиметров от холста, как бы примеряясь к нему. Вот и я так же, только скальпелем.

Все это время Альбертыч мычал что-то бессвязное. То ли он молил о пощаде, то ли просто всхлипывал. Меня это ни в коем разе не отвлекало от процесса – я сама сосредоточенность.

Зачем мне все это надо?

А зачем люди лезут туда, куда их не просят? В особенности, в политику. Неважно – левый ты или правый, либерал или матерый имперец. Дело тут не в твоих политических взглядах, которые не совпадают с моими. Дело тут в другом. Имеет ли право человек искусства идти в политику, сыпать громкими заявлениями?

Творец, решивший сунуться в политику, всегда останется в проигрыше. В той или иной степени. Если ты за власть – то продажный лизоблюд и конъюнктурщик, позарившийся на грамотки и ордена. Против власти – то все равно продажный лизоблюд и конъюнктурщик, позарившийся на эфемерные печенки. Так, по крайней мере, скажут.

Я не говорю, что нельзя иметь свои собственные политические пристрастия, но зачем же так горлопанить об этом? Настоящий гений немногословен и нетороплив в своих рассуждениях, он спокоен и рассудителен. Ему достаточно пары слов, чтобы заставить задуматься. Он не будет давить авторитетом.

Если тебе достался талант, так и используй его, а не изображай из себя Александра Матросова. Не стоит протестовать против красной икры только потому, что она красная. Мораль в творчестве должна быть цепляющей, но не навязчивой. Твори, создавай, радуй, но не брызжи слюной у микрофона. Если в тебе есть искра божья, то не гаси ее в той зловонной яме, которую мы называем политикой. Чтобы выразить свое мнение, необязательно называть своих поклонников быдлом и людьми второго сорта.

Все это я хотел сказать Николаю Альбертовичу. Хотел, но не сказал. Вместо этого почему-то всего лишь тихонечко пропел себе под нос:

– Обреченно летит душа, от саксофона до ножа...

Кончик скальпеля наконец-то соприкоснулся с кожей.

– Ну-с, приступим!

*Когда в торговом центре
слышу сигнализацию в каком-то бутике,
то испуганно озираюсь по сторонам,
прячу руки в карманы и испытываю
жгучее желание поскорее убежать.*

После вызова на ковер к генералу вид у всех был понурый. Квартальная премия уже слала воздушные поцелуи из окна отправляющегося поезда.

Его светлость требовала результатов, а их не было. Генерал рвал и метал, не особо стесняясь в выражениях, виртуозно составляя пятиэтажные словесные конструкции. Даже придворный матюган Чащин почерпнул для себя много нового.

На генерала давили, а он давил на подчиненных.

В кабинете на несколько минут воцарилась тишина, каждый приходил в себя за своим рабочим столом. Обстановка могла бы показаться идиллической, если бы не мерное тиканье настенных часов, в котором четко слышался свой нерв.

Мучительно хотелось выпить.

– Ну что ж... – как бы самому себе негромко произнес Бригов, извлекая из глубины ящика стола уже початую бутылку коньяка.

Капитан Чащин не заставил себя долго ждать, тут же подскочив с чайной чашкой к бриговскому столу.

– Мне чутка начисли, – Чащин подставил свою чашку, – мне тоже надо для снятия стресса.

Горобец, глядя на сослуживцев, лишь покачал головой:

– Алкашня...

– Может, тебе тоже плеснуть? – великодушные капитана по части чужого коньяка не знали границ.

– Нет уж, спасибо, – в нерабочее время Дмитрий Горобец не отставал от коллег на ниве корпоративного пьянства, но на службе пытался блюсти хотя бы видимость приличия.

Доза, налитая Бриговым, явно расстроила Чащина, но старший следователь всем своим видом показал, что на сегодня лавочка прикрылась.

Сам же Бригов не стал разводить церемонию с чашкой или стаканом, а просто хлебнул из горлышка, после чего бутылка снова исчезла в недрах ящика.

– А мажор наш опять соскочил, – недовольно пробурчал Чащин, вытирая губы рукавом, – отмазался от головомойки. Я вообще думаю, что у него фамилия на самом деле не Гаевский, а Гейевский, потому что пидор редкостный.

– Андрюха, спокойно! Если так разобраться, – Бригов откинулся на стуле, заложив руки за голову, – все не так уж и плохо. Получили втык – в первый раз, что ли? Могло быть и хуже.

– Могло быть хуже ... – Чащин внимательно изучал дно пустой кружки, словно надеялся обнаружить недопитые капли, – плакала наша премия, а я дома уже ремонт затеял и рассчитывал на эти деньги.

– Дед, конечно, любитель поистерить, но отходит быстро, – продолжил Бригов, не обращая внимания на стенания своего подчиненного, – тут радуется то, что это дело не связали с другими. Вот тогда нам точно была бы хана. Устроили бы нам эщих с гвоздями по полной программе.

– Думаешь, это опять он? – встрепенулся Горобец.

– Уверен, – тут же последовал ответ.

Старший следователь медленно поднялся из-за стола и прошествовал к любимому окну. Неизменно унылый пейзаж помогал Бригову сосредоточиться на работе и избавиться от всех посторонних мыслей.

Сальери – это имя как-то само собой появилось в оперативной разработке. Даже и не вспомнить, кто его первым произнес, но прилипло оно моментально.

О Сальери заговорили месяца три-четыре назад. То, что изначально могло показаться всего лишь мелким хулиганством, в итоге вылилось в череду странных событий. Все это больше всего напоминало крестовый поход, объявленный современному искусству.

Маньяк? Вот уж дудки! Бригов как угодно старался избежать этой формулировки. Тут было что-то совершенно иное, а не просто одержимость безумной идеей. За всем этим скрывался какой-то особый смысл, пока известный только «виновнику торжества». Если любого маньяка можно было бы хоть как-то охарактеризовать и описать, то этот выпадал из всех возможных шаблонов.

Сальери действовал изобретательно. Он срывал выставки, громил по ночам художественные галереи, вылавливал деятелей искусства и всячески над ними издевался. Послужной список был богат. И во всех эпизодах чувствовался свой стиль, помноженный на дерзость и специфический, если не сказать, извращенный юмор. Но поначалу это все больше напоминало проделки, чем какие-то серьезные преступления. В полиции зачастую даже отказывались принимать заявления. Нет тела – нет дела! И далеко не всегда жертвы Сальери сами бежали жаловаться. Мало кто признается в том, что вплавать путешествовал по канализационному коллектору с обязательным ритуалом употребления «забортной воды». Ну, или в чем-то подобном.

Хотя нехорошие слухи и ходили в творческих тусовках, но правоохранителям, по большому счету, было на Сальери плевать. Но только до определенного момента, когда Сальери действительно заигрался. Заигрался в театре.

Кто-то умный сказал, что театр есть отражение общества со всеми его недостатками и достоинствами. А еще театр можно считать переплетением музыки, танца, литературы, живописи. Любое искусство меняется под действием времени, появляются новые жанры и направления, стираются былые идеалы и возводятся новые. И в итоге театр приобретает практически бесконечное число форм и вариаций.

Название «Анри Антуан» вряд ли о чем-то сказало бы подавляющему большинству московских театралов. Если бы репертуар этого театра был доступен массовому зрителю, то его бы сочли чернушным и аморальным. Но «Анри Антуан» распахивал свои двери только перед избранными, что позволяло ему возводить самого себя в ранг высокого искусства, понятного лишь единицам. Естественно, исключительность каждого посетителя театра подкреплялась статусом и счетом в банке одной альпийской страны.

У каждого есть свои сексуальные девиации, потаенные мечты и желания. А труппа «Анри Антуана» готова была их исполнить прямо на сцене в угоду зрителю. Классические сюжеты истолковывались весьма вольно. Пуританство тут было явно не в чести. При желании зритель даже мог присоединиться к оргии, творившейся на сцене. Что уж говорить про банальную мастурбацию в партере. Именно этим делом и занимался глава одной из столичных управ, глядя на альтернативную версию отношений старухи-процентщицы и студента Раскольниковова. Для пущей убедительности были подобраны актеры соответствующего возраста. В самый разгар действия на сцене появился некто в плаще и маске Гая Фокса. Похоже, удивился этому появлению только работник сцены, так как все остальные участники были увлечены процессом.

С еле различимым рыком «Станиславский жив!» новое действующее лицо начало вытаскивать из глубоких карманов плаща водяные бомбочки и швырять их в зрительный зал. Только вот сами бомбочки были заправлены не водой, а какой-то до ужаса въедливой оранжевой краской. А в качестве эпилога этот отморозенный театрал еще и газ в зале расплыл. Таким баллончиком запросто можно было бы небольшую демонстрацию разогнать. Брошенную маску Фокса потом нашли у черного входа. Это был покрашенный пластиковый противогаз.

Да, можно назвать эту выходку детским садом, но только видео с этого утренника в тот же вечер попало в интернет. В качестве примы во всей красе выступил как раз начальник управы.

Споров было потом много – он или не он? По телеку так и говорили – «кто-то очень похожий на главу одной из московских управ». Скандал был громкий, в итоге чиновнику пришлось уйти в отставку. Сопровождался уход плачем Ярославны о политическом заказе, злонамеренной травле и незаслуженном недоверии. Уйти-то он ушел, но вот доблестным правоохранителям пришлось уже всерьез заинтересоваться личностью этого Сальери, который в суматохе ускользнул из «Анри Антуана».

– Давайте еще раз по пунктам, что же мы знаем о нем? – начал Бригов, все так же стоя у окна.

Горобец лениво зевнул, мотнул головой, чтобы сбить с себя накатившуюся сонливость, и не спеша начал перечислять:

– Возраст от 25 до 30 лет, рост 180-185 сантиметров, славянин, волосы светло-русые. Так, что еще? А! ... Шрамов, характерных родинок и татуировок замечено не было. Несколько раз он был в очках, а один из потерпевших стучал себя пяткой в грудь о том, что наш пассажир носит контактные линзы.

– С этим понятно, – Бригов попытался резюмировать услышанное, – внешность вполне обычная, чем он успешно и пользуется. Как я помню, каких-то фефектов фикции у него тоже не было, нормальный такой голос.

– Короче, человек, который может запросто затеряться в толпе, – Горобец щелкнул кнопку сетевого фильтра своего рабочего компьютера, – есть несколько фотороботов, но чего-

то они не очень друг на друга похожи. Какая-то смесь бульдога с носорогом. Прямо как наш Чаща.

Чащин, услышав коверканье своей фамилии, недовольно засопел.

– Чего набычился-то, боулингоголовый? – Горобец не упустил возможности снова поддеть сослуживца.

По правде говоря, бритый круглый череп Чащина с близко посаженными глазами действительно напоминал шар для боулинга.

– Слышь, ушлепок, достал уже! – попытался неудачно парировать Чащин, сгребая со стола дырокол, якобы собираясь бросить его в обидчика.

На пару секунд Чащин замолчал, лихорадочно думая, что бы еще такого неприятного сказать вдогонку, после чего его лицо расплылось в ехидной ухмылке.

– Иди бамбук жри, панда!

– Пошутил, да? Последнюю копеечку у Петросяна отобрал? – Горобец сделал недовольную гримасу.

Дмитрий очень не любил это погоняло – Панда. А получил он его из-за мешков под глазами, которые резко контрастировали с его соломенными волосами и еле заметными веснушками. Свои мешки под глазами Горобец объяснял хронической бессонницей. Вот только эта неожиданная бессонница по времени почему-то совпала с выходом новой части одной популярной компьютерной игрушки.

– Брейк, девочки, пока косички друг другу не повыдирали, – старший следователь не собирался слушать очередную перепалку своих подчиненных.

Бригов присел на край стола Горобца.

– Мы знаем, что он не любит творческих личностей. О чем это может говорить? – Бригов словно подталкивал Чащина и Горобца к собственным выводам. Хотя пользы от лысого здоровяка в этом деле было немного, силовая поддержка – это да, в любое время и в любых количествах. А вот любитель всевозможных гаджетов Горобец порой приходил к очень интересным умозаключениям, и что важно – перспективным.

– Про это уже мы говорили – обиженный ребенок, творчество которого никто не понимает, – Димон вытащил из принтера распечатку нескольких фотороботов, в которых было что-то общее, но что именно – не очень понятно.

Распечатка была протянута Бригову, но тот сразу же отложил ее в сторону – насмотрелись уже. Из второй распечатки Горобец начал деловито складывать бумажный самолет, у каждого в отделе были свои методы концентрации.

– Значит, нужно искать непризнанного гения с тяжелым расстройством шифера? Я правильно говорю? – Бригов в этот момент напоминал сердобольного профессора, который наводящими вопросами пытается на экзамене вытащить студента-лоботряса.

– Правильно! – подхватил Чащин, тут же получивший воображаемый «тройк» в свою зачетку.

– Ну, как правильно? – а вот Горобец не спешил так быстро соглашаться. – Возможно, он и занимается искусством, а возможно, и не занимается, но при этом считает, что имеет право судить других.

– Я тебя услышал, – согласился Бригов, – но я все же думаю, что Сальери некоторое время назад пытался заявить, но его не оценили. И этот недооценен стал мстить всему миру. Были ли у нас какие-то громкие творческие скандалы где-то полгода назад?

– Пфффф ... – физиономия Горобца растянулась в улыбке, – да полный интернет!

Пущенный Горобцом самолетик медленно пролетел по кабинету, заложил вираж и плавно приземлился прямо на стол Чащина. Изделие местного авиапрома тут же было скомкано и метким броском отправлено в мусорную корзину.

– А что, если мы имеем дело тупо с недоучкой? – неожиданно выдвинул предположение Горобец, не обращая внимания на Чашина.

– Интересно, – ухватился за идею начальник отдела, – то есть, парня выгнали из какой-то творческой шараги, а он решил за это мстить.

– И при этом он не обязательно москвич, – продолжил Горобец, – в Москве просто проще спрятаться. В творческих кругах все друг друга знают. Или знают друг друга через кого-то. Если бы Сальери был из Москвы, то уже точно где-то бы засветился.

– Соглашусь с тем, что он, скорее всего, не москвич, – Бригов задумчиво почесал нос и продолжил, – допустим, приехал он из Барнаула.

– А в Барнауле есть что-то искусству? – оживился Чашин, пытаясь показать свое участие. – Сейчас погуглю...

– Да тихо ты! Погуглит он... – резко оборвал Бригов, – из условного Барнаула! Соответственно, надо поднять базу, посмотреть, было ли что-то подобное за последние год-полтора в других регионах.

– Сделаем, – отрапортовал Горобец, застучав клавиатурой.

– Но..., – Бригов задумался на несколько секунд, – сильно сомневаюсь, что что-то подобное найдем. Смотрите сами, человек явно неглупый, все тщательно продумывает, подбирает время и место. Так что шансы у нас тут небольшие, но попробовать обязательно надо.

Горобец уже успел получить первые результаты по базе данных.

– Есть пара похожих случаев, но там все по горячим следам было раскрыто. Оба дела были по синьке, точно не наш клиент.

Бригов встал со стола и начал мерить кабинет шагами:

– Понять, что у него в голове творится, мы все равно не сможем. Медицина тут бессильна.

Горобец оторвался от монитора и тут же замер, словно его поразила какая-то догадка.

– Слушай, вот если бы жертвами были только художники, то мы бы искали среди художников. Были бы поэты, то среди поэтов... Правильно же я говорю?

– Я тебя услышал. Понятно, куда ты клонишь, – Бригов даже удивился, как он сам не пришел к такому очевидному выводу, – наш клиент универсал. Ему интересны картины, фотографии, стихи, литература, театр. То есть, все современное искусство. И во всем этом он разбирается.

– Тогда версию с отчисленным студентом можно отбросить? – робко спросил Чашин и тут же добавил, – наверное...

– Оставим версию, пусть будет, жрать не просит. Димон, надо в интернете посмотреть по части ВУЗов. Я что-то не помню, чтобы у нас были какие-то университеты или академии, где бы готовили искусствоведов широкого профиля. Чтоб и Бродского всего знал, и чтоб в передвижниках разбирался. Это такое товарищество художников было.

Последние слова были адресованы притихшему за своим столом Чашину, который из всех художников слышал только про Репина и его картину «Приплыли». Андрей очень сильно бы удивился, если бы узнал, что эту картину, на самом деле, написал Лев Соловьев. И не «Приплыли», а «Монахи. Не туда заехали».

Буквально через минуту Горобец получил первые результаты. Вернее, их отсутствие.

– Чего-то ничего подходящего найти не могу.

Бригов щелкнул пальцем:

– Что и требовалось доказать! Он не имеет отношения к учебе. Нет, в том смысле, что он где-то наверняка учился, просто сейчас занимается чем-то другим. Если он разбирается в искусстве и всегда в центре событий... О чем это говорит?

– СМИ? Смишник по искусству? – Горобец ответил вопросом на вопрос.

– Пока это больше всего похоже на правду. Телевидение, газета или журнал какой-нибудь...

– Скорее, интернет. Портал по современному искусству или что-то типа того, – в словах Горобца изначально слышался скепсис, – через интернет проще узнавать про события и мероприятия, надо только на новости подписаться или в закладки внести. Так что необязательно он журналист, может, просто внимательный читатель.

Бригов чертыхнулся. Изначально вполне стройная версия сразу же накренилась как Пизанская башня.

– Но как он всегда в теме оказывается? – Бригов попытался подставить подпорку под падающую башню.

– Если бы он был журналистом известного издания, то его самого сразу же признали бы, – похоже, Горобец был категорически против ремонтных работ, – может, «бложник» какой-нибудь. Надо просто поговорить с редакторами таких СМИ, их не так-то уж и много. И еще есть смысл пройтись по музеям и галереям современного искусства.

– Только не я! – замахал руками Чашин. – Был я в одном таком! Это ж полный песец мехом вовнутрь! Телка одна знакомая потащила в какую-то галерею. Дебильное такое название у галереи – то ли «Шифер», то ли «Силикат», там еще горело что-то недавно. Так у меня чуть крыша не съехала от всего этого. Короче, я пас, вы без меня как-нибудь.

– Слабак! Девчонка! – хохотнул Горобец. – У меня друг тоже ругается. Он с женой поехал в тур по Европе, из Кельна заехали в Страсбург, там рядом. Так они умудрились от своей группы отбиться, помнили только, что в маршруте был музей современного искусства. Поехали туда, в итоге им пришлось пять часов по музею шляться, пока автобус свой ждали. Говорят, что на всякий изврат насмотрелись по самое не могу. Особенно их порадовал кинозал, в котором показывали, как глаз режут, со всеми подробностями.

Даже Бригову как-то не по себе стало, хотя по долгу службы он на многое насмотрелся.

– А телка та потом мне еще и не дала! – продолжал сокрушаться Чашин. – Она еще меня куда-то хотела вытащить, вычитала про новую выставку модного художника. Кажется, фамилия Порто. Захотелось дуре гламура.

– Порто? Может Бордо? – не дожидаясь ответа, Горобец начал что-то набирать на клавиатуре. – Гребите сюда, посмотрите на деятеля одного.

Стол Горобца не отличался габаритами и стоял в самом углу, так что пришлось потесниться, чтобы как-то разместиться втроем перед монитором.

– Это видеоканал, – пустился в разъяснения Горобец, – называется «Творчество через унижения и боль». Это тот самый Бордо, типа офигенный художник, запер себя в комнате и приковал к батарее. И сказал, что не выйдет, пока не нарисует гениальную картину.

– Хрень какая! – фыркнул Бригов.

– Хрень не хрень, а уже почти сто тысяч подписчиков.

На экране высветилась просторная, но запущенная комната. Она была больше похожа на квартиру в доме перед сносом, чем на мастерскую художника. Разбитая мебель, забитые досками окна, разбросанный по полу мусор. Только сиротливо придвинутый к стене мольберт свидетельствовал о том, что здесь идет творческий процесс. В углу на поржавевшем ведре восседал субтильного вида парень, явно справлявший свои физиологические потребности.

– Это уже старый ролик, поначалу трансляция чуть ли не онлайн шла. Забавно было за зверьком понаблюдать, иногда истерики устраивал, сам с собой разговаривал. Жаль, что звука нет, а то интересно было бы еще и послушать.

В кармане брюк майора неожиданно завибрировал мобильный телефон, поставленный на беззвучный режим еще в кабинете генерала. Звонили с неизвестного номера.

– Слушаю! – сухо ответил в трубку Бригов.

– Эмм...Здравствуйте, это Виктор Самсонов, – не узнать эту манеру речи было невозможно, – вы мне сказали, эмм...чтобы я вам перезвонил, если что-то вспомню...

– Да-да, я вас слушаю. Вы вспомнили что-то про того, кто назвался Гилисом? – Бригов схватил со стола ручку.

Расторопный Горобец тут же подсунул вытасченный из принтера лист бумаги.

– Нет. Эммм ... – в голосе Самсонова чувствовалось волнение, – не про него. Помните, я вам говорил, что он с какой-то девушкой поздоровался?

– Помню, – от нетерпения Бригов начал машинально вырисовывать ромбики на бумаге.

– Я ее тут встретил на одной фотовыставке случайно, – неожиданно без причмокивания затараторил Самсонов, – она о чем-то с организаторами разговаривала. Я потом поспрашивал про нее у людей на выставке. Оказывается, ее хорошо знают известные художники и фотографы, ее постоянно приглашают куда-то. Как я понял, у нее есть какие-то связи с выставочными домами в Англии, и она иногда помогает нашим художникам выставляться за границей.

– Имя, фамилия? – Бригов не верил удаче.

– Алена. Фамилия... – фотограф замялся, – эмм, я точно не запомнил. То ли Фокина, то ли Фомичева. Что-то такое.

Ручка, которой писал майор, чуть не переломилась пополам.

– Но я достал ее телефон, – тут же реабилитировался Самсонов, – и адрес, мне знакомый один помог...

– Записываю!

Убрав телефон, Бригов посмотрел сначала на Димона, потом на Андрея.

– Везет нам, малята. Пробиваем телефон и адрес по базам и едем!...

*Большинство треков со смехом
на телевидении было записано
в начале пятидесятых.
То есть почти все люди,
смех которых ты слышишь, сейчас мертвы.
Чак Паланик*

Я откровенно позевывал. Кто сказал, что аукцион – это интересно? Как по мне, так скучнейшее мероприятие. Нужен холеный распорядитель торгов, блеск бриллиантов и разномастное селебрити? Так это вам на Кристис или Сотбис какой-нибудь. Но вот незадача, до Кристис еще дорасти надо. И выставляемым на продажу вещам, и самой публике.

В наших реалиях все совсем по-другому – поскромнее и потише. А вот с пафосом все в порядке, как в Европах. Что ни лот, так обязательно «шедевр», который только каким-то чудом попал на аукцион, а так-то ему самое место в Лувре или Британском музее.

А что я тогда тут делаю? Я бы и сам хотел это знать. Видимо, просто зря трачу свое время.

Мимо меня пронесли какую-то керамическую куклу, якобы из имения какого-то важного чиновника при дворе Николая Первого. Судя по стартовой цене, царь Николай ее лично обжигал и расписывал, а потом подарил верноподданному. За такие деньги в Китае можно целую терракотовую армию заказать. По качеству явно не будет хуже. Но свой покупатель на такую милую игрушку, хоть и сомнительного происхождения, рано или поздно найдется. Это будет или человек, понимающий в искусстве (при условии, что кукла все-таки настоящая), или человек, делающий вид, что разбирается в искусстве. Что интересно, представители второй категории явно преваляют перед первой. Тут ведь важен не факт обладания, тут важна демонстрация того, что ты можешь позволить себе какую-то непонятную хреновину за охренительные деньги.

Людей в зале было немного, где-то около двадцати. Кого-то я здесь раньше видел, кого-то нет. Сидя у стены мне было проще наблюдать за остальными, самому оставаясь при этом практически незаметным.

Недалеко от меня в первом ряду расположилась Эльвира Валерьевна Скокова – мило-видная женщина лет сорока с небольшим и по совместительству владелица аукционного дома. Выглядела хозяйка лет на десять моложе. Лично мы знакомы не были, но Эльвира Валерьевна частенько фигурировала в желтой прессе в разделе светской хроники. Как я понимаю, она сама и оплачивала эти статейки, чтобы лишний раз напомнить о себе и своем бизнесе.

Изначально аукционный дом носил поэтическое и оригинальное название «Эльвира». Была такая мода у состоятельных людей в лихих девяностых – давать названия предприятиям имена жен и любовниц. Правда, позднее название трансформировалось в «El Viro». Не очень понятно, что именно оно означало, но владельцы, видимо, считали, что в этом названии есть аристократичный лоск и благородство.

Аукционный дом был подарком одного авторитетного человека своей молодой супруге. С одной стороны, это было желанием порадовать женушку и занять ее хоть каким-нибудь делом, с другой стороны, это была возможность лишний раз козырнуть перед «пацанами» – «а моя-то искусством рулит».

Новоявленные хозяева жизни быстро облюбовали «El Viro». Он стал таким элитарным клубом, в который приходили, чтобы померяться толщиной золотой цепи, размерами мобильного телефона и длиной ног любовницы. Следом потянулись и прочие артисты да музыканты, влекомые халявными бутербродами с икрой и дорогим шампанским. Жизнь в «El Viro» бурлила, гости готовы были на кураже тратить громадные деньги за любую безвкусицу. Хотя нужно признать, периодически на торги выставлялись вещи, которые действительно представляли культурную или историческую ценность. Но это было скорее исключением из правил. Казалось, что этот праздник никогда не закончится, но жизнь распорядилась иначе.

Муж Эльвиры Валерьевны неожиданно отошел от дел. Полностью. Причиной стали разногласия с «партнерами по бизнесу», которые закончились перестрелкой и пышными похоронами. Безутешная вдова, проходившая в трауре целую неделю, была вынуждена самостоятельно заниматься предприятием. Товарищи мужа некоторое время помогали, а «Мисс Чего-то-Там-94» эту помощь великодушно принимала, не забывая про благодарность для каждого из своих благодетелей.

Но времена стремительно менялись, менялись и приоритеты. Нелепый шик и помпезность постепенно уходили на задний план, кич переставал быть признаком успешности и крутизны. Атмосфера в «El Viro» становилась все академичней, золотой дождь сменился редким накрапыванием.

Изменения чувствовались и в самом аукционном доме. Он старел, все больше и больше напоминая какой-то краеведческий музей или дом-усадьбу. Былое богатство и блеск тускнели и покрывались пылью. Характерный нафталиновый запах постепенно входил в свои права.

Но, тем не менее, бизнес госпожи Скоковой еще держался на плаву. По старой памяти заглядывали и некоторые уцелевшие коллеги мужа, переквалифицировавшиеся в уважаемых бизнесменов, банкиров и депутатов. Какой никакой, но дополнительный PR и доход это приносило.

– Лот номер восемь! – голос ведущего торгов вырвал меня из раздумий.

– Картина звезды русского авангарда начала двадцатого века Ильи Стражникова – «Мескалиновый шторм»! – распинался приглашенный актер, несколько раз успевший засветиться в паре-тройке сериалов. Больше всего этот толстоватый ведущий, облаченный для солидности в смокинг, напоминал мне пингвина. Того самого, киношного.

Вряд ли кто-то в зале вообще знал, кто такой Илья Стражников. Но раз такой солидный с виду дяденька говорит, что звезда, значит – да, звезда. Звездище!

На сцену внесли полотно, на котором красовалось что-то расплывчато-цветастое, от чего даже рябило в глазах. Я слышал, что один авангардист делал себе клизмы красками, а потом справлял свои дела прямо над холстом. Тут, похоже, технология была та же самая.

Ради интереса я решил проверить фамилию Стражникова в интернете. Услужливый Google выдал мне несколько ссылок на эту фамилию. Пара невнятных статей на левых ресурсах скупо сообщали, что, да, был такой художник, замученный и недооцененный. И все.

Даже странно как-то. Все это напоминало фейк. Причем фейк, состряпанный на скорую руку и явно впопыхах.

– Стартовая цена – сто тысяч рублей! – распорядитель объявил это таким тоном, словно занимался благотворительностью.

Но ажиотажа не последовало, только тихое перешептывание прокатилось по рядам.

– Сто тысяч рублей – раз! – начал отсчет человек-пингвин.

Желающих приобрести картину пока не было.

– Сто тысяч рублей – два! – снова стукнул молотком распорядитель.

– Только посмотрите на этот шедевр, на классику русского авангарда! – ведущий начал расхваливать лот, чтобы не пришлось его снимать с торгов. – «Мескалиновый шторм» станет украшением любой галереи.

– Сто тысяч! Сто тысяч – девушка во втором ряду! – радостно закричал ведущий, указывая молоточком на поднятую в зале руку.

Я даже привстал со своего стула, чтобы посмотреть на возможного покупателя. Не знаю, что там у художника было с мескалином и какой от него эффект, но чтобы купить это, точно нужно быть под чем-то.

– Сто тысяч – два!

– Сто тысяч – три! – ведущий занес молоток над деревянной наковальней, уже мысленно переходя к следующему лоту. Но я буквально на доли секунды его опередил.

Глубоко выдохнув, я поднял правую руку:

– Сто пятьдесят!

Похоже, распорядитель никак не ожидал подобного развития событий.

– Сто пятьдесят? – переспросил ведущий, и тут же продолжил. – Отлично! Господин справа! Сто пятьдесят тысяч рублей за картину «Мескалиновый шторм» – раз!

Я почувствовал на себе любопытные взгляды.

Зачем я полез в торги? Ради интереса, надо же разбудить это сонное царство. Можете считать это внезапным помутнением сознания, флюиды «Мескалинового шторма» добрались и до меня. Покупать картину я не собирался, просто немного подразню. Если кто-то действительно хочет купить этот наркотический бред, он его купит.

– Двести! – девушка из второго ряда не стала ждать удара аукционного молотка.

– Двести пятьдесят! – я тут же повысил ставку, демонстрируя всю серьезность своих намерений.

Похоже, третьей силы в этом противостоянии не намечалось.

Распорядитель, не начиная счет, посмотрел на девушку, ожидая, что она продолжит торговлю.

– Триста! – барышня не разочаровала ведущего. Но только ее «триста» больше напоминало презрительное «фыр». Примерно так фыркали аристократы в сторону внезапно разбогатевших буржуа, случайно оказавшихся в высшем свете.

Я узнал девушку – госпожа Тураева собственной персоной. Она не гналась за публичностью, но при этом была вполне узнаваема. Тураева вела многие бракоразводные процессы в богемной среде. Ее участие практически гарантировало победу одной из сторон. Но при этом адвокат Тураева была крайне разборчива в клиентах. Она руководствовалась не только процессуальным кодексом, но и собственными представлениями о нравственности и справедливости. Загулявшие мужья, меркантильные стервы и моральные уроды – все они шли лесом. Конечно, с учетом яркой внешности и молодости Тураеву поначалу не воспринимали всерьез, но она быстро заставила злопыхателей заткнуться. В голливудских фильмах, для возбуждения

зрительского интереса, молодые девахи модельной внешности частенько демонстрируют феноменальные умственные способности. Тут был примерно такой же случай, но только с одной лишь разницей – это была правда.

Адвокатесса периодически появлялась на подобных мероприятиях и прикупала какие-то предметы старины. Ясен пень, что действовала она по чьей-то указке.

– Триста пятьдесят! – я решил продолжить игру, не сомневаясь, что после меня ставка снова будет повышена.

Но моментального ответа не последовала. Тураева взяла паузу.

Вот тут я слегка занервничал. Уж очень не хотелось повторить судьбу Бендера и Воробьянинова, которых после отказа платить выперли с аукциона под всеобщее улюлюканье.

– Триста пятьдесят тысяч рублей – раз!

Тураева не спешила вмешиваться.

– Триста пятьдесят тысяч рублей – два! Господин справа! Ну, господа, не упускайте возможность стать обладателем настоящего шедевра русской живописи!

Я посмотрел на адвокатессу – ну, давай уже, сделай ставку, которую мне не перебить!

– Четыреста тысяч – Тураева как бы нехотя подняла руку.

Ах, какая досада! Как мне жаль, что сие произведение отныне не будет украшать стену моего фамильного замка. Придется покинуть это негостеприимное место с понурой головой.

– Новое предложение, – ведущий довольно улыбался, – и я думаю, что это не предел! Четыреста рублей – раз!

Из первого ряда послышались недовольные замечания.

– Прошу прощения, четыреста тысяч рублей! – спохватился распорядитель. – Раз!

Что ж, мне пора покидать поле битвы, которую я и не собирался выигрывать. Уйти незамеченным у меня не получится, но я, по крайней мере, сделаю это быстро, без излишних церемоний и долгих прощаний.

Я встал и по узкому проходу вдоль стены направился к выходу.

– Четыреста тысяч рублей – два!

На секунду обернувшись, я увидел, как Тураева провожает меня удивленным взглядом. Вернее, даже не провожает, а выпроваживает.

Нет, сегодня явно был не мой день. Только-только я попытался протянуть руки к прекрасному, как сразу же получил по ним здоровенной металлической линейкой. Но меня радовало то, что кто-то потратил больше, чем планировал. Мелкая, но радость. И в этом был определенный смысл. Был бы рядом сейчас Илья Стражников, то он бы точно поблагодарил и сердечно обнял меня за то, что я поднял его авторитет ровно в четыре раза.

Я ускорил шаг.

– Четыреста тысяч рублей – три!

Мне показалась, что последние слова ведущий кидал уже мне в спину, словно посмеиваясь надо мной. Да наплевать! И не очень-то хотелось.

Я толкнул дверь.

– Продано!

– *Ты пялишься на мою грудь?!*

– *Ага.*

– *Ну и как тебе?*

– *Да так... На троечку.*

Городец вел машину очень аккуратно, умело лавируя в городском потоке, но при этом неукоснительно соблюдая все правила. Такая манера вождения явно не была по душе Чашину.

– Что ты тупишь на каждом перекрестке?! – бушевал на заднем сидении здоровяк. – Или твой дыр-дыр по-другому не может?

В ответ Горобец лишь неопределенно крикнул. Тут нужно было отдать ему должное – Мицубиси Паджеро, даже с учетом своего предпенсионного возраста, находился в идеальном состоянии. В этом деле Горобец не жалел ни времени, ни сил. Все в своей машине он стремился делать своими руками, а машина, словно отвечая взаимностью на такое отношение, верой и правдой служила своему владельцу.

– Дров твой самовар много жрет? А по трассе? – не унимался Чащин. – Я, кажется, понял, это на самом деле не Паджеро, а Пандажеро! Ха-ха!

А вот очередное упоминание бамбукового медведя Горобцу явно не пришлось по вкусу.

– Сейчас пешком пойдешь, – огрызнулся водитель, – вот гляжу на тебя, Чаща, и понимаю, почему говорят, что у нас на Руси дураков еще лет на сто припасено.

– Тихо вы! – Бригов решил пресечь перебранку подчиненных. – Димон, а мне вот твой агрегат больше напоминает «Фердинанда». Помнишь, как в «Место встречи изменить нельзя»? Классика!

Бригов усмехнулся. В детстве он отлично запомнил эпизод, когда Глеб Жеглов из окна служебного автобуса стрелял в удирающих бандитов.

Пасюк! Ваня, а ну держи меня! Как держать?! Нежно!

Тогда-то принципиальный и жесткий Жеглов и стал примером для мальчика Пети, который вырос в следователя Петра Сергеевича Бригова. Вор должен сидеть в тюрьме!

Как-то незаметно под разговоры и перепалки следователи добралась до места назначения. Знак «Остановка запрещена» был проигнорирован. Формулировка простая – служебная необходимость. Бригову, конечно, такие вольности подчиненных не очень нравились, но в этот раз он предпочел закрыть глаза на небольшое злоупотребление.

– Вроде этот адрес, – Горобец заглушил мотор и щелкнул замком ремня безопасности, – шеф, ты только в этот раз не забудь оформить накладную на бензин, а?

– Не забуду, не забуду, – пробурчал Бригов, выбираясь из машины.

Чащин, громко хлопнул дверью, что снова заставило Горобца недовольно поморщиться. Андрей задрал голову вверх.

– Вот всегда хотел жить в таком доме, – мечтательно произнес он, разглядывая балконы верхних этажей, – умели же наши раньше строить!

– Нееее, тебе в такой дом нельзя! Загадишь тут все, – Горобец явно горел желанием поквитаться за поруганную честь своего железного коня, – тут люди культурные живут, а ты сразу же стены похабными словами изрисуешь, из лифта сортир сделаешь, на балконе свинку заведешь.

– У меня воспитание получше некоторых будет! – Андрей ткнул пальцем в сторону Горобца.

– Воспитание-то у тебя есть, мозгов просто у тебя нет!

К сталинскому ампиру и сам Бригов дышал неровно. Его восхищала эта помпезность и монументальность, в которой одновременно чувствовалась и мощь, и роскошь барокко, и рационализм. По мнению следователя, ультрасовременные новостройки даже рядом не стояли с такими домами. Единственное, что огорчало Бригова в сталинской архитектуре, так это то, что ему такое жилье в обозримом будущем не светит. Можно было бы, конечно, рассчитывать на богатое наследство или выигрыш в лотерею, но только Бригов подходящими престарелыми родственниками не располагал и в лотереях принципиально не участвовал.

– Поступим так, – майор, оценив обстановку, выбрал самый простой план действий, – я с Димоном поднимаюсь наверх, а ты пока подождешь здесь на всякий случай. Нечего всем табором тащиться. Всех впускать, всех выпускать, но следить внимательно.

– А чего я? – возмутился Чащин, которому не хотелось торчать на улице.

Бригов пропустил мимо ушей заданный вопрос.

– Эй, бой! Я машину не закрываю, присмотришь за ней пока, – Горобец, повернувшись к Чашину, с явным удовольствием начал изображать из себя постояльца фешенебельного отеля, – еще не забудь коврики вытрясти.

– Я сейчас из тебя душу вытрясу, – зло огрызнулся Андрей, – а потом заново набью опилками.

Впрочем, никакого эффекта угроза на Горобца не произвела. Тот, с гордо поднятым подбородком, направился к подъезду вслед за начальником.

Уже возле подъездной двери Бригов на секунду замешкался, пытаясь понять принцип действия местного домофона.

– Не работает. Видишь, лампочки не горят, – подоспевший Горобец дернул на себя дверь.

В подъезде пахло как-то по-особенному. Затхлость, присущая почти всем старым домам, не чувствовалась. А чувствовались запахи дорогих чистящих средств, недавнего ремонта и брендового парфюма. В таком подъезде вряд ли можно учуять, как соседи жарят селедку или варят обойный клейстер.

На площадке первого этажа Бригов огляделся:

– Нам нужна двадцать шестая квартира, значит, нам на третий этаж.

– Пошли пешком, – предложил Горобец и, не дожидаясь ответа, рванул по лестнице.

Бригову ничего не оставалось, как последовать за своим не в меру шустрим сослуживцем. Не то чтобы подъем на третий этаж у майора вызвал какие-то сложности, но сил точно не добавил. Каждые пару месяцев Бригов давал себе зарок, что теперь-то точно начнет ходить в ведомственный спортзал, но каждый раз все ограничивалось лишь футбольными междусобойчиками. И каждый такой междусобойчик в обязательном порядке заканчивался потреблением пива в диких количествах в честь «блестящей» победы или «случайно-досадного» поражения.

– Так, вот и двадцать шестая... Звони давай! – скомандовал Бригов, подойдя к нужной двери.

Горобец нажал кнопку и отскочил в сторону. Начальником тут был Бригов, ему и вести переговоры.

Тринь-тринь-тринь – по-птичьи застрекотал звонок.

Постояв с полминуты, Бригов уже лично вдавил кнопку звонка. Опять никакой реакции.

– Может, ее и дома нет? – предположил Горобец, хотя сам прекрасно видел, как наматывает круги электросчетчик. Скорее всего, в квартире кто-то был, но этот кто-то не торопился встречать неожиданных гостей.

И только тогда, когда начавший терять терпение Бригов вновь потянулся к звонку, раздался щелчок замка. Дверь распахнулась.

На пороге стояла девушка в коротком халате.

Боковым зрением майор видел, как челюсть у Горобца сползает вниз, еще чуть-чуть и закапают слюни.

«Высокая, очень красивая, блондинка» – Бригов сразу же вспомнил описание, которое дал Самсонов.

Кареглазая блондинка даже с первого взгляда не производила впечатления типичной глянцевої красоти. В ней определенно была индивидуальность, свои отличительные черты и черточки, которые делали ее по-настоящему особенной. Про таких часто говорят – порода. Благодаря своей внешности и горделивой осанке, девушка запросто сошла бы за наследницу какой-нибудь европейской монаршей семьи, цветущую ветвь векового благородного дуба.

Короткий белый халатик выглядел пикантно, но не более того. Хозяйка дома, видимо, обладала тем самым вкусом, который позволял виртуозно балансировать на грани здоровой женской сексуальности, но не переходить ее, оставляя за собой интригующую недосказанность.

«Она даже дома на шпильках ходит?!» – удивлению Бригова не было предела, когда он обратил внимание на обувь хозяйки дома.

– Здравствуйте, Сергей Петрович Бригов, следственный комитет, – майор нарочно говорил быстро, пытаясь скрыть свою взволнованность, – нам необходимо задать вам несколько вопросов. Можно пройти?

Блондинка даже не заглянула в протянутое ей удостоверение, а просто отступила назад, молча приглашая визитеров войти.

– Проходите на кухню, – голос оказался под стать внешности, мелодичный, с легкими бархатными нотками.

– Тапочки я вам не предлагаю, полы в доме теплые, – так ненавязчиво хозяйка попросила гостей разуться.

То, что девушка назвала кухней, больше походило на филиал Букингемского дворца. Просторное помещение, облаченное в мрамор и дорогой искусственный камень, выглядело богато, но без перебора. А венецианская штукатурка во всю стену казалась как никогда уместной.

– Присаживайтесь, – девушка кивнула на круглый стол посередине кухни, – вам чай, кофе? Могу предложить рюмочку хорошего коньяка.

«Как в лучших домах Лондона» – отметил про себя Бригов

– Нет, спасибо, ничего не надо.

– А мне, если можно, воды, – попросил Горобец, присаживаясь по левую руку от начальника.

– С газом? Без?

– С газом, – почему-то ответил Димон, хотя сам не очень-то любил газировку.

Перед Горобцом тут же появилась маленькая пластиковая бутылочка и высокий стакан. А сама хозяйка тем временем заняла место напротив майора, поджав под себя левую ножку.

– Чем обязана? Насколько я понимаю, это, скорее, частный визит, так как никаких бумаг и документов, помимо удостоверения, вы мне не предоставили, – спросила девушка. В ее голосе не чувствовалось ни удивления, ни страха, ни даже любопытства. Словно каждый день ее навещали следователи – сплошная рутина!

– Алена Витальевна? – первое, что спросил Бригов.

Легкий кивок в ответ.

– Алена Витальевна, вы были шестнадцатого числа возле станции метро «Речной вокзал»? – старший следователь попробовал взять инициативу в свои руки.

– Может быть, – беззаботно хмыкнула блондинка.

– Так все же, вы были там? Постарайтесь вспомнить, это очень важно.

Девушка задумалась:

– А какой это был день недели?

– Пятница.

И снова девушке потребовалось время на раздумья.

– Да, я тогда была в том районе. К своему тренеру по йоге ездила, – Алена шкодливо улыбнулась, – вам телефончик дать? Думаю, вам стоило бы позаниматься.

Горобец закашлялся, попытавшись подавить смешок, за что удостоился гневного взгляда от начальника. Сам же Бригов сделал вид, что даже не заметил подколку, но галочку для себя поставил – с барышней нужно держать ухо востро.

– Посмотрите, вам этот человек знаком? – майор достал из папки распечатку с фотороботом.

Алена аккуратно, двумя пальчиками взяла протянутый лист, для этого ей даже пришлось чуть-чуть привстать со стула.

– Нет, я его не знаю, – девушка покачала головой.

– Посмотрите еще раз, – попросил Бригов.

– Нет-нет, точно не знаю.

– У нас есть свидетель, который утверждает, что именно с этим человеком вы поздоровались шестнадцатого числа у станции метро «Речной вокзал», – Бригов в этот момент считал, что это был сильный ход.

Вот только девушка так не считала.

– И что? – Алена недовольно нахмурила бровки.

– Как что? – опешил следователь. – Вас узнали, вас там видели, и вы поздоровались с этим человеком. Теперь нам бы хотелось услышать от вас все, что вы о нем знаете.

– Я ничего о нем не знаю, я понятия не имею, кто он такой, – похоже, Алена Витальевна начала потихоньку злиться.

– А вас запомнили, а вы говорите, что ни с кем не здоровались, – майор пошел в атаку.

– Память человека избирательна, и если вы сможете объяснить, почему так происходит, то можете смело отправлять заявку в Нобелевский комитет по физиологии, – девушка не собиралась отсиживаться в обороне, а сама перешла в решительное контрнаступление, – я не собираюсь оправдываться за то, что что-то не помню. Это раз! Два – я не говорила, что ни с кем не здоровалась, я говорила, что не помню этого. И три – человек, которого вы показали, мне незнаком.

– Почему же вы с ним поздоровались? – Бригов и не собирался отступать.

– Понимаете ли, – голос Алены был наполнен сарказмом, – я человек публичный, многие меня знают, но я не обязана знать всех. Я часто хожу на различные мероприятия, где меня постоянно с кем-то знакомят. Удержать всех в голове я просто не могу. Поймите, товарищ... Как вас там? Бритов? Так вот, товарищ...

– Я – Бригов! – резко перебил майор.

– Простите, – пожала плечами Алена, – странный человек вы, товарищ Бригов. Если с вами знакомый на улице не поздоровается, вы же удивитесь или даже обидитесь, правильно? А я не хочу просто так обижать людей. Мне несложно в ответ поздороваться с человеком, даже если я понятия не имею, откуда его знаю.

Алена впиалась взглядом в следователя. Под таким напором Бригову стало даже как-то неуютно, но отворачиваться он не стал.

– Мне и так своих проблем хватает, чтобы еще кто-то за высокомерие мне слал «лучи добра», – девушка показала пальчиками кавычки.

– И многих людей искусства вы знаете, часто посещаете мероприятия?

Бригов уже и не знал, что спросить. К следователю начало приходить стойкое ощущение того, что его визит напрасен.

– Достаточно, – девушка лениво потянулась, всем видом показывая, что разговор ей наскучил, – вы знаете мое имя, мой адрес, значит, уже справки навели и знаете, чем я занимаюсь. С кем я сплю – вас тоже интересует? Или уже успели выяснить? Если у вас больше вопросов нет, то не смею вас задерживать.

– А вы знаете Виктора Самсонова? – спохватился Бригов. Он привык задавать вопросы для профформы, даже если не видел в них пользы.

– Неа... Вы можете оставить свою визитку, если что вспомню, то обязательно перезвоню. У вас же есть визитка? – Алена ясно дала понять, что аудиенция подошла к концу.

Следователь с кислым видом положил на стол карточку.

– Обязательно перезвоню, – повторила Алена, поднимаясь со стула, чтобы выпроводить гостей.

Когда дверь захлопнулась Горобец, до этого исполнявший роль предмета интерьера, наконец-то подал голос.

– Да... Вот это штучка, – то ли с восхищением, то ли досадой сказал он.

– Стерва, – буркнул Бригов, перескакивая сразу несколько ступенек.

Спускавшейся следом Горобец согласился.

– Ага, стервозина первоклассная! Но какой фасад, ноги от ушей! Да и упакована девочка по полной программе. Я б ее и второй раз того, если бы она мне первый раз дала.

– Тестостерон на уши давит? Ты как старшекласник, к которому в класс пришла новая молодая училка. Сразу слюни распустил, чуть стол весь не закапал. И грудь свою бы так не выпячивал колесом, смешно смотрится, – Бригов решил устроить экспресс-выволочку.

– А сам-то? – съязвил Димон. – Сам пузо втягивал. Я видел.

– Фигню не говори, – бросил на ходу майор, – а этой барышней надо заняться. Не все чисто. Факт! Видел, что в коридоре картины какие-то стояли? Не висели, а именно стояли.

– Да, обратил внимание.

– А я думал, что только на бабу пялился, – произнес старший следователь.

На первом этаже Бригов нажал на кнопку магнитного замка. Но характерного звука не последовало. Вспомнив про неработающий домофон, майор толкнул дверь плечом.

– Я тебе так скажу... – Бригов продолжил тему, но внезапно осекся и замер прямо на пороге, – что за?!...

На капоте Мицубиси сидел Чашин и сложенным в несколько раз бумажным платочком вытирал с макушки кровь. Рядом затормозил эвакуатор, откуда-то появился инспектор ГИБДД. Бригов тяжело выдохнул и полез в карман за служебным удостоверением.

Ну ё-моё!

*Если даже мне удастся в жизни
поднять голову чуть повыше,
я все равно буду делать то же самое –
– пить с первым встречным
и тут же его писать!
Винсент Виллем Ван Гог*

– Дружище, повтори! – уже слегка подпивший Матвей кивнул на графинчик. – И бутерброд с сыром еще один. Хотя нет! Давай лучше с колбасой.

Не дожидаясь ответа, Матвей бесцеремонно пододвинул к себе поднос с прозрачной крышкой, на котором лежало с десяток уже слегка заветрившихся бутербродов. Такие подносы некоторые называют капкейк-стендами, но какой капкейк-стенд может быть в этом месте? Исключительно поднос с крышкой!

Удивительно, но даже в центре Москвы еще сохранились такие заведения, которые в народе называют «чмырдяками» и «рыгаловками». Хотя нужно отдать должное, это была вполне приличная «рыгаловка». Подавляющее большинство посетителей забегало сюда буквально на несколько минут, чтобы опрокинуть по рюмашке-другой, закусить и помчаться дальше по своим делам.

Немного подумав, Матвей взял с подноса, как ему в тот момент казалось, самый лучший кусочек черного хлеба с аккуратно порезанной копченой колбаской и огуречным кругляшком.

Бармен спокойно отреагировал на такое самоуправство. Налив водки в графин, он тактично переместился к другому краю стойки, не мешая нашему разговору.

– Ну-с, пора бы опять накатить, – предложил Матвей, переминаясь с ноги на ногу. Стулья в этом заведении посетителям не полагались.

Наливать теперь приходилось мне. Матвею в этом деле уже веры не было, в прошлый раз он своими трясущимися руками уполовинил графин, залив барную стойку. Флегматичный бармен даже слова не проронил по этому поводу, просто протер столешницу тряпкой. Хотя, учитывая вид тряпки, вряд ли от этого столешница стала чище.

Матвей одним махом осушил рюмку и сразу же откусил добрую половину бутерброда.

– А знаешь, – Матвей пытался одновременно и говорить, и жевать, – а мне тут нравится! Мне нравится эта водка, пусть она и дешевая. В задницу вискарь и коньячелу! Пусть они там сами это пойло жрут на своих презентациях. Я сюда уже лет пятнадцать хожу. Правда, в последнее время пореже, а раньше – так через день. Да, Юрич?

Бармен вместо ответа лишь буркнул под нос что-то нечленораздельное.

– Это Юрич, – Матвей уважительно кивнул на молчаливого бармена, – он тут за главного.

Юрич – фактурный такой дядька лет пятидесяти, больше похожий на бывшего штангиста-тяжеловеса, с парой тату на руках и волосами, собранными в хвост. Чутье подсказывало, что с таким лучше не связываться лишний раз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.